

16+

Андрей Собакин

Пересечение миров

Андрей Собакин
Пересечение миров.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33166598

SelfPub; 2018

Аннотация

Это сборник рассказов, которые объединяет общая тема – пересечение миров, то есть соприкосновение с необычным, с другими реальностями... Поверьте, такое происходит гораздо чаще, чем может показаться на первый взгляд. Поэтому пара рассказов из этого сборника – это описание абсолютно реальных событий...

Содержание

Воспоминание	4
Разговор с ангелом	10
За стеклом аквариума	21
Беспроигрышная лотерея	43
Мост господина Больца	55
Происшествие в замке Шамбор	73
Дикари	81
Случай из жизни дикарей	85
Закон сохранения времени	113
Наши двойники или как не скучать на собраниях	122
Саркофаг	126
Пересечение миров	143

Воспоминание

Это случилось в воскресенье вечером, в конце ноября. Примерно в пол-одиннадцатого я отправился гулять с Арис. Арис – это наша немецкая овчарка. Возможно, её предки когда-то и охраняли концентрационные лагеря в Германии, но на Арис природа, видимо, расслабилась и отдохнула – психика получилась очень спокойная и добрая. Вообще-то, идти с ней гулять именно в тот вечер мне не хотелось. Хотел отправить Дениску, но он после фильма сразу засел за уроки, за геометрию, и что-то там вытворял с циркулем и линейкой в свете настольной лампы. Вообще, непонятно, как это можно промаяться дурью все выходные и лишь под вечер вспомнить про домашнее задание... Впрочем, я его понимаю – видел их математичку: просто страх и ужас юрского периода. Дениска говорил, что несделавшие домашнее задание получают на весь урок в своё распоряжение четвертинку классной доски и решают там разные задачи под постоянным контролем математички. Поэтому к урокам алгебры и геометрии дети всегда готовились как проклятые. Может это и хорошо... Моя лучшая половина зависла на телефоне с Маргаритой – это на час, не меньше. Вообще, о чём можно столько разговаривать со своей бывшей одноклассницей? Неужели они от друг друга ещё в школе не устали? В общем, гулять с Арис отправился я.

Обычно мы ходим в парк, это на другой стороне Ленинградского проспекта. Но в то воскресенье пойти в парк не получилось. На пешеходном переходе стоял и тархтел жёлтый асфальтоукладчик, и суетилось несколько рабочих в оранжевых жилетах, которыми руководила совсем молоденькая девчушка – наверное, она оказалась слишком умной для своего ПТУ и её отправили работать. Мы с Арис остановились... Тащиться до следующего перехода совсем не хотелось, и поэтому вместо парка я решил пойти сегодня в другую сторону, там где был пруд и кинотеатр «Баку». Арис, осознав, что парка сегодня не будет, погрузилась и старалась держаться поближе ко мне – на всякий случай. Был конец ноября, но снега не было. То есть то, что выпало недели три назад уже успело бесследно растаять, а наступившие недавно морозы только намертво сковали обнажённую землю и асфальт... Хорошо, что хоть грязи не стало. Впрочем, после прогулок Арис всё равно всегда запрыгивала в ванну и ждала, когда ей помогут лапы тёплым душем.

Странная погода – вроде как уже и зима, но совсем без снега... Не, мне такое не нравилось. Если уж мороз, то должен быть и снег. Размышляя таким образом и сожалея, что не надел под куртку тёплый свитер (брр – было и правда холодно), я и Арис вышли к пруду. Арис подобрала на дороге какую-то палку и мы немного поиграли в нашу обычную иг-

ру: зажав палку в зубах она легла на спину, а я, пытаясь отнять у неё палку, тащил её за собой по промёрзшему асфальту. Арис мотала головой, хвостом и переваливалась с боку на бок. Увлечённый игрой с собакой, я не особо смотрел по сторонам. Когда наконец возле самого пруда Арис разжала пасть, я подхватил палку и забросил её подальше в кусты. В столь поздний час никаких прохожих вокруг не было видно, так что я не особо опасался, что палка попадёт в кого-нибудь. Арис азартно тяфкнула и, проскальзывая лапами по промёрзшей земле, энергично ринулась за палкой. Ожидая её, я остановился и посмотрел на пруд.

Нет, я был не прав. Во-первых, возле пруда мы были не одни – на берегу спиной ко мне стоял высокий мужчина в длинном чёрном пальто и в чёрной кроликовой шапке-ушанке. А во-вторых, выпавший в начале ноября снег не везде растаял – вокруг пруда виднелись вполне приличные сугробы. Более того, сам пруд был полностью покрыт льдом, ярко сверкавшим в желтоватом свете фонарей. Признаюсь, меня это удивило, но особо поразмышлять на эту тему я не успел, потому что я увидел её... Она танцевала на льду. Очаровательная девочка лет пятнадцати-семнадцати. На ней было короткое белое платье с широкими голубыми полосами, телесного цвета тёплые колготки и белая шерстяная повязка на голове... Или это была такая шапочка? Её коньки безупречно скользили по льду, то высекая мириады ледяных брызг,

то безмолвно скользая, казалось, над поверхностью льда. Девочка то разгонялась раскинув руки в стороны, то взмывала в воздух и, едва приземлившись, тут же приседала и крутилась на одном коньке, вытянув другую ногу вперёд... Потом она вновь устремлялась прочь, разворачивалась почти припав телом ко льду, и снова прыгала, и опять уносилась к противоположному берегу пруда, чтобы через несколько секунд вернуться и закружиться подняв соединённые руки над головой... Это было невероятно красивое, волшебное зрелище. Я совсем позабыл про Арис и подошёл поближе к кромке льда. Краем глаза я заметил, что мужчина в чёрном пальто, тоже как замороженный наблюдавший за фигуристкой, был очень старым – из-под кроликовой шапки выбивались седые волосы, а у глаз было полно морщин. Девочка, видимо заметив нас, вновь и вновь возвращалась, чтобы исполнить свои невероятно отточенные пируэты и прыжки прямо перед нами. У неё были светлые волосы и красивые, правильные черты лица. На щеках играл румянец, и всякий раз повернувшись к нам, она чуть-чуть улыбалась, и глаза её, казалось, светились. Было очень тихо. Слышалось лишь скольжение коньков по льду. Однако, юная фигуристка словно следовала какой-то только ей слышной мелодии. И мне даже начало казаться, что и я её слышу...

Наконец, девочка прыгнула в очередной раз примерно на середине пруда, а потом закрутилась на одном коньке, под-

няв другую ногу назад и вверх, и захватив конёк обеими руками над головой. После этого она на мгновение остановилась, словно раздумывая, что ещё сделать, и вдруг быстро заскользила в нашем направлении, устало раскачиваясь из стороны в сторону. Когда она была уже метрах пяти-шести от нас, старик внезапно повернулся ко мне, а так как я стоял очень близко от него, я тоже повернул голову и посмотрел на него. В глазах старика я увидел слёзы. Мне почему-то захотелось хоть что-то ему сказать, и я пробормотал:

– Очень красиво, правда?

Он внимательно посмотрел на меня и негромко ответил:

– Да... Её звали Анна... Извините...

И он резко развернулся и пошёл прочь вдоль пруда. Это было несколько неожиданно. Я снова взглянул на лёд и... И никого не увидел. Даже льда на пруду не было, и сугробы по краям тоже куда-то исчезли. Свет фонарей несколько померк, но тёмная неподвижная поверхность воды была отчётливо видна. Тут же в мою ногу ткнулась Арис, притягивающая назад из кустов свою палку. Пока я беспорядочно мотал головой, смотря по сторонам и пытаюсь осознать происшедшее, силуэт старика успел раствориться в темноте. Не веря своим глазам, я раза четыре обошёл вокруг пруда (к неве-

роятной радости Арис), но не обнаружил ни одного кусочка льда или снега. Надо ли говорить, что никаких следов таинственной фигуристки я тоже не нашёл.

С тех пор прошло уже несколько лет. Мы так же по вечерам ходим гулять с Арис в парк, но теперь каждый раз по дороге домой мы идём к пруду у кинотеатра «Баку» и делаем как минимум один круг вокруг пруда. Впрочем, мы больше никогда не видели ни того таинственного старика, ни его воспоминаний, или что это там такое было...

Разговор с ангелом

В то воскресенье шёл дождь, и на мою проповедь пришло значительно меньше народу чем обычно. Впрочем, я к этому всегда относился легко – сегодня мало народу, в следующий раз будет больше. Трудно понять, что определяет желание верующих сходить в церковь. Иногда – и свободного места не найдёшь, а иногда – только несколько знакомых лиц и какой-нибудь случайно забрédший турист... Думаю, что в то воскресенье основным препятствием для прихожан был не дождь, а лето и начавшийся сезон отпусков...

Впрочем, как бы там ни было, проповедь моя удалась, и был сам собой доволен. Наверное, даже легче говорить перед небольшой аудиторией – проще отслеживать, какие темы и вопросы показались слушателям интересными, и можно развить их, копнуть поглубже...

Упомянув в конце проповеди о Судном дне и конце света, я заметил, что несколько слушателей прервали разглядывание церковных витражей и наострили уши. Тогда я перешёл к Откровению Иоанна Богослова, видя, что тема эта была многим интересна. Во время одной из цитат из Апокалипсиса, я увидел, что высокая церковная дверь отворилась, и вошёл какой-то незнакомый мне мужчина в сером плаще.

Он тут же сел на самую дальнюю скамью недалеко от входа и едва заметно мне кивнул. Я продолжил мою проповедь, а незнакомец без особого интереса на лице просто сидел на скамейке – он не смотрел на меня, не глядел по сторонам; он просто сидел и словно чего-то ждал – так сидят в поликлинике, ожидая приёма у врача... Я почему-то подумал, что он просто зашёл в церковь переждать дождь.

Когда проповедь закончилась, мы с немногочисленными прихожанами пропели несколько псалмов, а потом все начали расходиться по домам...

К некоторому моему удивлению, никто из прихожан не задержался чтобы, как обычно, поболтать со мной о том, о сём. Все, словно внезапно вспомнив о каких-то важных делах, почти поспешно направились к выходу из церкви, где их прежде всего ожидал проливной дождь...

Незнакомец, по-прежнему сидевший на скамейке недалеко от двери, напротив, казалось никуда не спешил. Когда кроме нас двоих в церкви никого не осталось, он встал и направился по проходу в мою сторону. Я как раз убирал сборник псалмов в специальный ящик, когда незнакомец остановился возле меня и негромко сказал:

– Я слышал, как вы говорили о конце света...

– Да, – отозвался я и посмотрел на него ожидая продолжения.

– Я не хотел бы вас расстраивать, – незнакомец заметно смутился, – Но ваша проповедь несколько устарела...

– Что вы имеете в виду? – спросил я, – Что описание конца света устарело? Но ведь многое в Библии – это метафоры, которые читатель наполняет содержанием, соответствующим его времени...

– Нет, не это... – незнакомец вздохнул, – Я просто случайно оказался здесь... Даже не знаю...

И он замолчал, видимо, подбирая нужные слова.

– Ничто в этом мире не случайно, – улыбнулся я, – И всё, что происходит имеет смысл.

– Просто я здесь по другим делам, – сказал незнакомец, – А ваша проповедь... Не соответствует реальности.

– То есть вы не верите в конец света? – спросил я.

– Почему не верю? – незнакомец как бы даже обиделся, –

Просто вы уже опоздали, и ваши проповеди уже не могут ни помочь кому-либо, ни спасти кого-нибудь...

Я недоумевающе посмотрел на него, а тот грустно вздохнул и вдруг сказал:

– Дело в том, что конец света уже был.

– Вы уверены? – я показал рукой вокруг, – А как же всё это? Мы с вами? Мир вокруг нас?

Незнакомец ничуть не смутившись быстро ответил:

– Это уже другой мир. Всё, что написано в Библии, к этому миру уже никакого отношения не имеет.

– Почему вы так думаете? – осторожно спросил я, начиная подозревать, что мой собеседник – скорее всего пациент какой-нибудь психиатрической больницы, которого выпустили на свободу как социально неопасного из-за очередного сокращения финансирования...

– Я совсем не псих, – словно прочитав мои мысли сказал незнакомец, – Я ангел.

«Час от часу не легче», – подумал я, – «Этот двинулся на

религиозной почве...»

– Странно, что священник может так рассуждать... – грустно прокомментировал мои мысли незнакомец.

– Как? – спросил я, не зная как себя вести.

– Я же сказал вам, что я – ангел. Впрочем, вы вправе мне не верить...

– И кто вас послал? – нерешительно поинтересовался я.

– Вы имеете в виду: Бог или Дьявол? А какая вам разница?

– То есть, как это? – почти возмутился я.

– Я же вам говорю, что конец света уже давно произошёл, и для вас лично теперь не должно играть никакой роли, кто сейчас перед вами.

– Вы можете доказать, что вы ангел? – я понимал, что этот вопрос звучит глупо, но не смог удержаться.

– Доказательств хотите? – равнодушно сказал незнакомец, – А как же насчёт веры?.. Ладно, пойдёмте – будут вам доказательства.

И он направился к выходу, несомненно ожидая, что я последую за ним.

– Подождите, я возьму зонтик, – сказал я, – Там дождь.

– Не беспокойтесь, дождя не будет, – улыбнулся незнакомец.

Я с сомнением посмотрел, как потоки воды стекали по витражам, но пошёл следом.

Как ни странно, дождь сразу же прекратился, как только мы вышли из церкви. Незнакомец шёл чуть впереди, а я разглядывал его спину в сером плаще и пытался догадаться, куда же мы идём...

Идти далеко не пришлось – обогнув угол церкви, мы сразу же оказались посреди кладбища. Незнакомец остановился возле одной из могил.

– Вот вам и доказательство, – он кивнул на могильный камень.

Я прекрасно знал, чья это была могила, и поэтому только вздохнул – мой новый знакомый, несомненно, страдал ка-

кой-то душевной болезнью... Я пробежал глазами по буквам, выбитым в мокром после недавнего дождя граните: «Туре Магнуссон. 1818 – 1891».

– Ну, и что это доказывает? – осторожно спросил я.

– Как? – незнакомец с заметным удивлением посмотрел на меня, – Я вам показываю вашу же собственную могилу, и вы же меня спрашиваете «что это доказывает»?

– Ну, во-первых, меня зовут Сванте Густавссон, а не Туре Магнуссон, как здесь написано – как можно мягче сказал я, – Во-вторых, Туре Магнуссон был советником городской управы, а я, как вы, наверное, заметили, всего лишь скромный пастор...

Незнакомец улыбнулся.

– Вот вы, например, зовёте вашу кошку «Рулла», – с несколько снисходительной интонацией начал объяснять он, – Но ведь это совсем не значит, что это то самое имя, под которым она известна кошачьему сообществу, и, уверяю вас, её мама звала вашу Руллу совсем иначе...

При упоминании о моей кошке я невольно вздрогнул – откуда он мог знать такие подробности? Я был совершенно

уверен, что никогда раньше этого господина не встречал... Сумасшедший, который давно за мной наблюдает? Зачем?

– Мне незачем за вами наблюдать, – тут же отозвался на мои мысли незнакомец, – Я про вас и так всё давным-давно знаю... Ну как, вы согласны с моим примером с вашей кошкой?

– Нннет, – ответил я, – Ведь кошка отзывается на своё имя, а значит...

– Открою вам один маленький секрет, – незнакомец снова улыбнулся, – Не все кошки это делают. А если и делают... Вот, скажем, представьте себе такую ситуацию – вы один в пустыне. Вокруг ни жилья, ни людей, никого... Жара, раскалённый песок, ослепительное солнце... И вдруг где-то совсем рядом кто-то говорит: «Туре Магнуссон!». Вы бы тогда оглянулись?

– Ну, оглянулся бы... – нехотя согласился я.

– Но вы же мне только что сказали, что вы не Туре Магнуссон.

– Это другое... – я не нашёлся, что ответить и поэтому немножко поменял тему, – Но ведь сейчас не девятнадцатый

век! Посмотрите на даты на этой могиле!

– А какая вам разница, какой сейчас век? – совершенно естественно удивился незнакомец.

– То есть, как это так: «какая разница»? – не понял я.

– Вы же лежите вон там, – он показал рукой на могилу, – И для вас не играет абсолютно никакой роли, произошло ли убийство Цезаря или оно ещё только планируется...

– То есть, как это: «никакой роли»? – уже почти возмутился я.

– А вы что, знакомы с Цезарем? – вдруг спохватился мой собеседник, – Простите, наверное, не очень удачный пример получился...

– А почему вы говорите, что я «вон там лежу»? – спросил я, – Разве душа не бессмертна?

Незнакомец как-то рассеянно посмотрел на меня.

– При чём здесь душа? Я же уже говорил вам, что конец света уже был... Всё уже совершилось... Исполнилось... Закончилось... А вы тут жалуется, что имя вам не то написа-

ли...

– И что теперь будет? – совершенно тупо спросил я, – Как же теперь жить дальше? Во что верить?

– А ничего больше не будет... Поэтому можете особо и не заморачиваться. Жили же вы как-то до сих пор? – незнакомец пожал плечами и вдруг превратился во вспышку ослепительного света.

Я невольно зажмурился, а когда открыл глаза, то обнаружил себя лежащим в своей постели. Луч солнца, пробившись в узкую щели между небрежно задёрнутыми шторами, светил мне прямо в лицо.

«Господи!» – подумал я, – «Приснится же такое!..»

День обещал быть ясным и солнечным. Я позавтракал, покормил кошку и отправился в церковь чуть раньше обычного. Под впечатлением от странного сна, я не сразу вошёл внутрь, а, обогнув угол, зашёл сначала на кладбище. Остановившись у той самой могилы, я уже собирался привычно прочесть «Туре Магнуссон. 1818 – 1891», но, к моему немалому удивлению, выбитые в граните буквы сложились в нечто совершенно иное: «Сванте Густавссон. 1922 – 1997». Я замер и почувствовал слабость в ногах... Что за наважде-

ние? И тут же сзади послышались шаги по гравию, и до меня донёлся голос нашего церковного сторожа:

– А вот и наш пастор, Туре Магнуссон! Господин пастор, это инженер из «Электроинста» по поводу прокладки нового кабеля...

Я обернулся и увидел приближающегося сторожа в компании незнакомого мне мужчины. Чтобы не упасть в обморок, я поспешно сел на холодное гранитное надгробие...

За стеклом аквариума

Деда Толю Виталик никогда не видел, даже на фотографии, просто знал, что есть такой родственник. Когда Виталику исполнилось восемь лет, папа сказал, что дедушка Толя умер, и им досталась в наследство его квартира. Мама тогда очень обрадовалась, а Виталику показалось странным, что можно радоваться, когда кто-то умер. Впрочем, взрослые живут в своём, немножко странном, мире...

Первое, что поразило Виталика в новой квартире, были потолки – высокие, уходящие куда-то в бесконечность. По сравнению с их прежней «хрущёвкой», квартира напоминала старинный замок – сводчатый потолок в коридоре, тёмные обои с почти неразличимым рисунком... Дом, и правда, был очень старый; мама называла его «сталинским», и Виталик не совсем понимал почему – вряд ли Сталин жил в этом доме...

Самое главное – теперь у Виталика появилась своя комната! Большая, с высоким узким окном выходящим на железнодорожные пути, по которым всё время неутомимый жёлто-синий маневровый тепловоз перетаскивал товарные вагоны, сцепляя их в длинные составы. А по двум крайним путям регулярно проносились тёмно-зелёные поезда дальнего сле-

дования и шустрые электрички. С высоты седьмого этажа открывался вид на огромный город, и Виталик с удовольствием подолгу стоял и вглядывался вдаль, опираясь на широкий прохладный каменный подоконник – за окнами их старой квартиры виднелись лишь деревья, полностью заслонявшие весь обзор.

А ещё, в комнате Виталика оказался аквариум. Большой, не менее двухсот литров, основательно установленный на толстой крашенной металлической раме, вмонтированной прямо в пол. К великой радости Виталика, родители решили аквариум оставить и завести ему там рыбок. Когда они только въехали в квартиру, аквариум был наполнен водой и тёмно-зелёными водорослями с длинными широкими листьями. Рыбок в аквариуме не оказалось – видимо, все они погибли, пока дедушка Толя лежал в больнице.

В первое же воскресенье на новом месте, папа Виталика занялся устройством аквариума, а Виталик ему помогал. Они поменяли воду, проредили растения, обнаружив у задней стенки аквариума довольно большой камень неправильной формы. Камень оказался очень тяжёлым и был весь покрыт многочисленными округлыми выемками и впадинами. Поверхность камня казалась как бы оплавленной, с правильными круглыми пятнами немножко более светлого цвета. Одна из выемок была гораздо глубже остальных и напоми-

нала пещеру, где, наверняка, раньше любили прятаться рыбки. Папа Виталика даже обронил фразу, что камень очень уж похож на метеорит, и его, может быть, стоило бы показать специалистам. Однако в расчищенном и приведённом в порядок аквариуме камень смотрелся настолько живописно и естественно, что его было решено никому не показывать и никуда не отдавать. После обеда мама осталась распаковать вещи, а Виталик с папой поехали в зоомагазин покупать рыбок.

Какое же это было сказочное зрелище! Виталик часами сидел на придвинутом к аквариуму стуле и с восторгом наблюдал за яркими рыбками-гуппи с переливающимися красивыми длинными хвостами разных цветов и с удивлённо вздёрными кверху рыбьими мордочками. Вода в аквариуме была совершенно прозрачной, и казалось, что рыбки просто висят в пустоте. Гуппи активно изучали свой новый дом плавая среди водорослей и исследуя все складки и вмятинки на камне. Разумеется, они с интересом заплывали и в тёмную пещерку у основания камня, и тогда их яркая окраска поблёскивала в темноте грота в случайных лучах света...

По вечерам, когда Виталик был уже в постели, мама гасила свет в его комнате, оставляя освещённым только аквариум. Мальчик лежал и любовался рыбками, парящими в их безмолвном и прекрасном мире. Так он и засыпал. По-

том обычно в комнату заходил папа и выключал в аквариуме свет, чтобы и рыбки могли тоже поспать...

Однажды, вернувшись домой после школы, Виталик снова, как обычно, поспешил к аквариуму, но, к величайшему своему удивлению, рыбок в нём не обнаружил. То есть их не было совсем – ни живых, ни мёртвых. Озадаченный папа даже прошёлся по зарослям водорослей специальным сачком, но ни одной рыбки так и не обнаружил. Пещерка в камне также была пуста. Виталик сильно расстроился, и поэтому в следующую субботу папа снова поехал с ним в зоомагазин за рыбками. Прошло немного времени, и о таинственном исчезновении первых рыбок скоро все забыли.

...Виталик проснулся ночью. В комнате было темно и тихо. «Значит, мама и папа уже тоже спят, раз они погасили аквариум», – подумал Виталик и повернулся на другой бок, чтобы посмотреть... В аквариуме горел свет! Правда, не такой яркий, как обычно, а как бы сумеречный – словно в аквариуме наступил вечер: водоросли казались чёрными, но рыбки были видны, и на коричневом камне можно было различить светлые круглые пятнышки, которых в темноте, конечно же, не могло быть видно. Виталик осторожно выбрался из-под одеяла и подошёл к аквариуму. Он сразу заметил, что рыбок было только четыре – наверное, остальные прятались в водорослях или за камнем... Было не совсем понят-

но, откуда падал свет, так как лампа над водой была выключена. Виталик присмотрелся повнимательнее и с удивлением обнаружил, что слабый рассеянный свет шёл из пещерки в камне. Это было странно и неожиданно. Виталик решил, что такое обязательно надо показать папе, и он хотел было направиться к двери, как одна из рыбок вплыла в пещерку. Сомнений не оставалось – яркий пёстрый хвост гуппи заиграл всеми красками; свет падал на рыбку сверху. Прильнув к стеклу, Виталик заметил, что дальняя стенка пещерки уже не была скрыта в темноте, и рыбка, величественно качнув своим роскошным хвостом, попыла вглубь и... внезапно словно растворилась в сером сумрачном свете. Не успел Виталик опомниться, как из того же самого светлого пятна в глубине пещерки появилось что-то большое, тёмное, заполнившее собой практически весь проход. Через мгновение в аквариум выплыла большая тёмно-лиловая рыба очень странной формы: с коротким обрубок вместо хвоста, с тяжёлой почти квадратной головой в половину всего тела, с приоткрытой огромной пастью со множеством острых зубов и с десятком длинных отростков-щупалец свисавших вниз от живота... Рыба взглянула на оторопевшего от неожиданности Виталика выпухлыми, красно-оранжевыми глазами и вдруг коротким рывком метнулась в сторону и проглотила одну из рыбок-гуппи, оказавшуюся поблизости. Две оставшиеся гуппи ринулись в разные стороны: одна – в заросли водорослей, а другая – в пещерку. Та, что пыталась укрыться в зарослях

была молниеносно проглочена лиловым монстром в следующую же секунду.

Оцепеневший от ужаса Виталик не дыша наблюдал, как лиловая рыба неспешно сделала круг по аквариуму и снова исчезла в пещерке, полностью заслонив собой проход. Мальчик, сорвавшись с места, помчался в спальню родителей. Разбуженные мама и папа никак не могли понять, что же произошло – так путанно и невнятно, задыхаясь от волнения, рассказывал Виталик. Наконец, мама успокоила его, что это был всего лишь кошмарный сон, и что ничего страшного не произошло. Отведя Виталика обратно в его комнату, мама включила свет в аквариуме, чтобы показать, что с рыбками всё в порядке. Рыбок не было видно, как, впрочем, и странного света в глубине камня. Решив разобраться со всем утром, мама уложила Виталика спать и ушла, оставив свет в аквариуме...

Заниматься аквариумом утром времени ни у кого не было. Зато вечером обнаружилось, что рыбки исчезли не все, и среди неровностей камня плавали три гуппи и ещё одна маленькая рыбка – чёрная с жёлтыми пятнами. Впрочем, она была примерно одного размера с гуппи, и те её не боялись. Озадаченный папа предположил, в камне, возможно, оставались икринки от рыб, которые жили у деда Толи, и теперь они вот вывелись... Новых рыбок было решено пока не по-

купать, а Виталик решил внимательно наблюдать за аквариумом и особенно за странной пещеркой в камне...

Прошло несколько дней, и оставшиеся рыбки также бесследно исчезли. На этот раз Виталик не настаивал на покупке новых рыбок, ожидая, возможно, что каким-то неведомым образом рыбки появятся в аквариуме вновь. Однако шли дни, а аквариум оставался пустым. Всё так же, по привычке, Виталик засыпал по вечерам с включённым аквариумом, а потом родители его выключали – это было уже что-то вроде ритуала.

Однажды, всё ещё пытливо вглядываясь в заросли водорослей, Виталик решил насыпать в аквариум оставшийся у него корм для рыбок. Разумеется, ничего сразу не произошло, но зато вечером, как раз когда Виталик уже совсем готов был погрузиться в сон, в освещённом аквариуме вдруг появилась та самая тёмно-лиловая рыба с обрубком хвоста и жуткой пастью. Рыба невозмутимо плавала возле камня, слегка тыкаясь мордой в его неровную поверхность – видимо собирая остатки корма.

Мгновенно подскочив с постели, Виталик бросился к аквариуму, при этом рыба явно перепугалась и шарахнулась в заросли водорослей. На самом деле, при первом появлении рыбы, Виталик сам тогда не на шутку испугался – внешний

вид её был ужасен, и будь она покрупнее (а так рыба была примерно сантиметров двадцать длиной), то он бы и к аквариуму не осмелился подойти. Однако сейчас Виталик заметил, что рыба сама его боится и, осторожно выглядывая из водорослей, не сводит с него глаз. Решив подружиться с рыбой, Виталик насыпал в воду ещё корма. Рыба опасливо покинула своё укрытие и начала хватать тонущие в воде кусочки корма, не забывая при этом подозрительно коситься на Виталика.

Так они и подружились. Рыба появлялась не каждый день, и какой-либо закономерности в её визитах Виталику обнаружить не удалось. Иногда в аквариуме обнаруживались и другие рыбки, поменьше, они были очень юркие, разной окраски и формы. Вместе с рыбками появлялись и небольшие, сантиметра три в длину, оранжево-красные существа похожие на кальмаров с выпученными глазами и множеством забавных мохнатых щупалец. Пару раз Виталик видел, как большая лиловая рыба охотно поела эту мелюзгу, как когда-то и его многострадальных гуппи.

Когда папа помогал Виталику чистить аквариум (к счастью, тогда лиловой рыбины там не было), Виталик осторожно засовывал руку в пещерку, но только натыкался на шершавую заднюю стенку. Родители сначала относились к странному аквариуму с подозрением, но, увидев там несколько

разных мелких рыбок, наверное решили, что их сын самостоятельно покупал себе живность на карманные деньги.

Неприятности начались месяца через два, ночью. Виталик внезапно проснулся от громкого всплеска воды. Аквариум был освещён тусклым сумеречным светом исходящим из недр камня. В тёмной воде шевелилось что-то огромное, заполнявшее собой почти весь аквариум. Это «что-то» было тёмно-зелёным, почти чёрным, и напоминало извивающуюся змею. Иногда эта змея показывала кольца своего тела над водой (крышка аквариума с лампой была откинута – наверное, именно этот шум и разбудил Виталика). Перепуганный и заворажённый увиденным, мальчик застыл с приоткрытым ртом и лишь несколько секунд спустя громко закричал:

– Мама! Папа!

Потом он выскочил из кровати и, стараясь держаться подальше от аквариума, хлопая босыми пятками по мокрому полу выбежал из комнаты. Видимо услышав его крики, таинственное чудовище быстро втянулось внутрь аквариума, оставив после себя лишь раскачивающуюся поверхность воды, периодически выплёскивающуюся по краям.

Когда разбуженный Виталиком родители вместе с ним появились в комнате, никакого монстра в аквариуме не было,

лишь дружная стайка из пяти маленьких ярко-синих рыбок бодро плавала взад и вперёд вдоль длинной стенки аквариума.

– Господи! Что тут происходит?! – воскликнула мама, почувствовав под ногами воду на полу.

Она зажгла свет в комнате и, снова испуганно вскрикнув, помчалась за тряпкой.

– Мы же так соседей снизу зальём! – донёсся её голос из коридора.

Папа ничего не сказал и только покачал головой.

– Папа, там, правда, был какой-то монстр, – снова сказал Виталик.

– Наверное, это тебе просто приснилось, – ответил папа внимательно вглядываясь в аквариум, – А вода вытекла из-за какой-нибудь трещины в стекле... Аквариум же очень старый... Странно...

Папа ещё раз взглянул на уровень воды в аквариуме, а потом на залитый водой пол – несмотря на обширную лужу на полу, воды в аквариуме, казалось, совсем не убавилось. «На-

верное, аквариум слишком большой», – подумал папа, – «И поэтому не заметно...»

Вскоре мама вытерла насухо пол (воды, к счастью, вылилось не так много, как показалось на первый взгляд), а папа осмотрел аквариум в поисках трещины, но ничего не обнаружил.

Так как за окном всё ещё была глубокая ночь, то все отправились спать. Виталику разрешили спать с папой и мамой, так как он всё ещё был очень напуган. Впрочем, спокойная и рассудительная речь папы, о том, что всё это только было сном, а у детей границы сна и реальности довольно размыты, подействовала на Виталика, и он успокоился и заснул.

На следующее утро, снова осмотрев аквариум на предмет протечки, и не обнаружив в нём ни одной рыбки, папа сказал:

– Знаешь что, Виталик... Этот старый аквариум надо всё-таки убрать. Тем более, что рыбки из него всё время пропадают, и мы не можем всё время жить с риском затопить весь дом. Если ты хочешь, то мы купим тебе новый, хороший аквариум, только, наверное, не такой большой, как этот.

Виталик согласился. Демонтаж аквариума решили прове-

сти в субботу. Однако в пятницу утром Виталик заболел – поднялась температура. Папа уже успел уехать на работу, и поэтому мама подумала, что ничего страшного не случится, если Виталик побудет дома один. Тем более, что папа должен был вернуться пораньше.

– А мне сегодня обязательно надо быть на работе, – сказала мама, – Зато я договорюсь и в понедельник останусь с тобой, если ты ещё не поправишься. А папа сегодня как раз к обеду придёт, вместе и покушаете.

Потом мама дала Виталику выпить шипучую таблетку парацетамола и ушла, оставив возле телефона на всякий случай записку с номерами, по которым можно было позвонить ей или папе, если вдруг что-то случится.

Виталик снова уснул, а когда проснулся, то была уже половина одиннадцатого. Чувствовал он себя хорошо, температура, видимо, упала. Он встал с постели, придвинул стул к аквариуму и стал вглядываться в заросли водорослей. И тут из пещерки в камне появилась та самая большая лиловая рыба с большой квадратной головой и щупальцами под животом. Рыба словно узнала Виталика, немного поплавала перед ним, а потом снова скрылась в пещерке. Виталик хотел было насыпать в воду немного корма, чтобы рыбка покушала, но он даже не успел встать со стула – рыба вновь выныр-

нула из пещерки, остановилась, а затем встала в очень странную позу: обрубком хвоста вверх, а головой вниз, слегка изогнувшись и положив нижнюю челюсть на грунт. Виталик сидел как зачарованный – что-то явно происходило, но он не мог понять что. И тут рыба приоткрыла усеянную острыми зубами пасть, и на грунт аквариума выкатился как бы слегка вытянутый шарик размером с куриное яйцо; ну, может, чуть поменьше. Шарик был сияющего жёлтого цвета, и в свете аквариумной лампы были заметны многочисленные короткие неглубокие царапинки на его поверхности. Рыба пристально посмотрела на Виталика, сделала небольшой круг по аквариуму и снова исчезла в пещерке, оставив сверкающий золотом шарик лежать на тёмном грунте. Из книги «Занимательный аквариум» Виталик помнил, что некоторые рыбки вынашивают свои икринки во рту. Может и эта загадочная лиловая рыбина так делала? Некоторое время Виталик наблюдал за золотым шариком, но ничего не происходило. Тогда он решил пойти посмотреть телевизор...

Виталик сидел на диване в большой комнате, когда в дверь неожиданно позвонили. Кто бы это мог быть? У папы и у мамы были ключи. Виталик выключил телевизор, чтобы в квартире было совсем тихо, и стал ждать, пока кто-то неизвестный подумает, что дома никого нет и уйдет.

Но в дверь позвонили ещё настойчивей – долго и мно-

гократно. Виталик выглянул в коридор. Можно было подкрасться к двери и осторожно заглянуть в глазок... Но тогда этот кто-то точно догадается, что дома кто-то есть – Виталик знал, что снаружи глазок становился тёмным, если в него кто-то заглядывал. Мальчик тогда просто вернулся к аквариуму, чтобы проверить золотую икринку. Неожиданно в прихожей что-то щёлкнуло, и Виталик услышал, как отворилась дверь. «Значит, папа вернулся», – решил Виталик, – «Он же обещал прийти сегодня пораньше с работы».

Виталик радостно выбежал в коридор и оцепенел от неожиданности. В прихожей стоял совершенно незнакомый тёмноволосый мужчина в чёрной кожаной куртке. Тот тоже на мновенье замер увидев Виталика. Мальчик почему-то подумал, что просто ошиблись квартирой, но незнакомец закрыл за собой дверь и хрипло спросил, чуть наклонившись вперёд:

– Тихо, пацан... Есть кто ещё в квартире?

Виталик задохнулся от ужаса и с трудом выдал из себя:

– Н-н-нет...

– Это хорошо... – мужчина быстро приблизился и крепко схватил Виталика за запястье правой руки, – Не ори... А то

руку сломаю и шею сверну.

Виталик побледнел от страха и даже не почувствовал, как сразу же намокли его штаны, и что-то тёплое потекло вдоль ноги вниз...

– Где у вас деньги хранятся? – хрипло спросил незнакомец и закашлялся, непроизвольно дёргая Виталика за руку, которую держал.

Слёзы текли по щекам мальчика, но громко заплакать он не смог, совершенно парализованный ужасом.

– Отвечай, когда спрашивают! – грозно сказал незнакомец и ещё сильнее сжал запястье Виталика.

– Я... я... я... – бормотал тот, – Я не знаю...

– А драгоценности у мамки есть? Кольца, браслеты, серьги?

– Т-т-там, – Виталик робко кивнул в сторону маминой и папиной спальни.

– Пошли, – мужчина грубо потащил его за собой.

В спальне он начал бесцеремонно выдёргивать ящики из комода и высыпать содержимое на пол, продолжая при этом крепко держать Виталика за руку. Бегло взглянув на вывалившиеся мамины бусы, незнакомец отшвырнул их ногой под кровать. Ничего из разбросанного вокруг его не заинтересовало.

– Золото у вас есть? – повернулся он к Виталику.

Виталик только всхлипывал, ноги его подгибались от страха – он едва стоял.

– Знаешь, что... – незнакомец чуть присел, чтобы взглянуть мальчику в лицо, – Мне нужны деньги или золото. Если я сейчас этого не найду, то мне придётся тебя убить... А потом я подожду твоих родителей и их тоже убью.

– Н-н-не надо... – захлёбываясь плачем едва слышно пробормотал Виталик, – Дяденька...

Всё плыло у него перед глазами и периодически исчезало в белом тумане слёз.

– Где? – строго спросил незнакомец, видимо уже не особо рассчитывая на результат.

– В моей комнате... – сказал Виталик, – В аквариуме...

– Что? В аквариуме? – мужчина недоверчиво посмотрел на мальчика, – А, впрочем, место надёжное, там бы не искал... Что там такое?

– 3-3-золотой... – заикаясь ответил Виталик, – Шарик... Золотой шарик там...

– Показывай! – и незнакомец проследовал за мальчиком в его комнату.

Возле аквариума Виталик показал через стекло на жёлтый шарик, оставленный загадочной лиловой рыбой.

– Ну и обосрался же ты, малец, – незнакомец даже улыбнулся.

Сначала он мельком заглянул в аквариум, но потом заинтересовался и даже отпустил руку Виталика.

– Сядь там на кровать и не отвечивай, – сказал он, – Самородок что ли?

Виталик не ответил, он просто не понял вопроса. Незнакомец снял кожаную куртку, и оказалось что под ней на нём

была только серая футболка с какой-то английской надписью. Он открыл крышку аквариума, а потом, держа куртку в левой руке, запустил правую руку в воду чтобы достать золотой шарик...

Дальше произошло нечто неожиданное. Сидевший на кровати Виталик увидел, как незнакомец резко вздрогнул и одним стремительным рывком вытащил руку из аквариума. Брызги разлетелись по всей комнате и даже отпечатались на потолке. На руке незнакомца, словно мокрая сверкающая ва-режка, висела та самая лиловая рыбина, только теперь по её бокам от головы к обрубку хвоста переливались как волны тёмные поперечные полосы... Оторопевший незнакомец с недоумением и ужасом на лице тряс рукой над аквариумом, но рыба не ослабляла хватки. Потом раздался громкий хруст, и рыбина, сорвавшись вниз, сочно плюхнулась обратно в воду унося с собой кисть руки. То ли из-за шока, то ли рыба впрыснула ему в кровь какое-то обезболивающее, но мужчина не кричал, а просто тупо смотрел на обрубок своей руки, и кровь стекала тёмным сгустками прямо в аквариум. Виталик видел со своего места как она пульсирующими толчками выплёскивалась наружу. Бледневший с каждой секундой незнакомец начал невнятно хрипеть, выронил на пол куртку из левой руки, но не попытался ни зажать рану, ни хоть как-то остановить кровотечение. Несколько раз Виталик ловил его умоляющий, растерянный взгляд, но, потрясённый

увиденным, мальчик лишь сидел словно парализованный на кровати, приоткрыв рот и выпучив глаза.

А потом Виталик заметил, как вода в аквариуме резко потемнела (до этого в ней плавали лишь расплывчатые сгустки крови), и в толще воды что-то зашевелилось – большое и чёрное, как тогда ночью, когда Виталику померещилось тело огромной змеи... Что-то, возможно, привлечённое вкусом и запахом попавшей в воду крови...

Шагнувший было прочь от аквариума незнакомец услышал позади себя громкий всплеск и резко оглянулся... Из воды вырвалось длинное чёрное щупальце, но не с присосками как у осьминога, а со свисающей вниз по всей длине бахромой, где каждая ниточка шевелилась сама по себе словно отдельное тоненькое щупальце.

Мужчина от неожиданности отшатнулся в сторону и споткнулся. Однако упасть он не успел – щупальце мгновенно обхватило его за шею и потащило обратно к аквариуму. По забыв про откушенную рыбой кисть руки, незнакомец отчаянно пытался вырваться из этого удушающего объятия. Щупальце напряглось, но не выпускало его. Потом вода из аквариума мощным ударом выплеснулась в потолок комнаты – и ещё два таких же длинных чёрных щупальца устремились к задыхающейся жертве.

Оцепеневший от ужаса Виталик затаив дыхание наблюдал за происходящим. Он даже не посчитал странным, что несмотря на всю выплеснувшуюся на пол комнаты воду, уровень в аквариуме не изменился, и аквариум был по-прежнему полон воды.

У жертвы уже не было никаких шансов – щупальца плотно опутали всё его тело и начали затаскивать в аквариум. Однако незнакомец был довольно крупного телосложения, и сразу было понятно, что в аквариуме поместиться он не мог. Возможно, это и было его последней надеждой. Задыхаясь, он схватился правой рукой за край аквариума, и было видно как напряглись из последних сил его мышцы. Пауза в борьбе продолжалась не более пары секунд – с оглушительным треском и стеклянным хрустом аквариум лопнул. Вода хлынула наружу, куски толстого стекла посыпались на пол, металлическая рама перекосилась.

Виталик увидел, как из недр разваливающегося аквариума вырвалось что-то чёрное раскрывшись тут же в огромную воронку, такую, какая бывает в ванне, когда выпускают воду, но только здесь она была метра два в диаметре. Виталика обдало сильным запахом водорослей, а незнакомец, увлекаемый чёрными мохнатыми щупальцами, исчез в водовороте. Воронка покружилась перед потрясённым мальчиком

ещё несколько секунд, а потом шумно схлопнулась и пропала...

Вернувшийся пораньше с работы папа застал Виталика всё так же безмолвно сидящим на кровати. Комната была залита водой. На полу валялись обломки от каркаса аквариума и куски стекла. Водоросли были размазаны по стенам и потолку. Камня нигде не оказалось – он бесследно исчез.

Пока папа безуспешно пытался выяснить у Виталика, что же произошло, вернулась мама, да не одна, а в компании соседа снизу – тот как раз шёл жаловаться, что его затопили, и они встретились у двери.

Войдя в комнату мама не удержалась, схватила за сердце и воскликнула:

– Боже мой! У вас мозги-то есть? Воду-то из аквариума вылить надо было сначала!..

Папа что-то неуверенно пробормотал и отправился за тряпкой и ведром, а Виталик только сидел на кровати и тихо всхлипывал. Потом мама требовала у него ответа, почему в спальне всё вытряхнуто из комода? Он пытался рассказать про незнакомца, про откушенную руку и про щупальца, но это звучало не очень убедительно, и, кажется, ни мама, ни

папа в это не поверили. Тем более, что чёрная куртка, брошенная незнакомцем на пол, так же бесследно исчезла...

Когда комнату Виталика привели в порядок после разгрома и потопа (и, разумеется, никаких больше аквариумов!), он обнаружил на полу, между ножкой кровати и стеной, тот самый золотой шарик – икринку загадочной лиловой рыбы. Наверное, когда из аквариума вырывались те жуткие щупальца, они выплеснули шарик наружу вместе с водой и водорослями. Виталик спрятал икринку в коробочку из-под маминого крема, и подумал, что когда он вырастет, он сам заведёт себе аквариум и положит туда этот золотой шарик. И, может быть, когда-нибудь большая лиловая рыба будет снова плавать у него за стеклом и смотреть на него своими оранжевыми глазами...

Беспроегрышная лотерея

Был тёплый осенний день. На бульваре, на скамейке, сидели два школьника и что-то горячо обсуждали. На другом конце скамейки сидел опрятный старичок с внешностью типичного профессора из какого-нибудь старого фильма – с аккуратной «козлиной» бородкой и в очках. Несмотря на то, что в руках старичка была развёрнутая газета, было заметно, что разговор школьников занимал его гораздо больше, и, слушая их, он то кивал каким-то своим мыслям, то раздражённо морщился... А ребята, видимо под впечатлением от недавно просмотренного фильма или прочитанной книги, обсуждали путешествия во времени...

– ... а вообще-то, – говорил один из школьников, – если бы можно было перенестись во времени хотя бы на час или даже на несколько минут, то это тоже было бы классно!

– А кому это надо? – ответил его товарищ, – Вот если бы хотя бы лет на сто... А на несколько минут или на час – так это просто подождать можно. Подождал час – и вот ты уже на час в будущее уехал... Тут и машина времени никакая не нужна.

– Ну да! А обратно как попасть?

– А зачем тебе обратно? То, что час назад было, ты ведь и так помнишь...

– А что если, попав на час в будущее, ты увидел землетрясение или цунами? Тогда можно вернуться назад и хоть людей попытаться спасти, что ли... Или предупредить... Ну или преступление какое предотвратить...

– Поверят тебе, как же: «Люди! Я был в будущем – бегите скорее отсюда!» Да ну, бесполезно всё это...

– Ну можно, например, просто посмотреть, какие номера в лотерею выиграют, вернуться в своё время и эти номера на билете зачеркнуть...

– То есть, ты предлагаешь использовать машину времени для личного обогащения?

– А что? Почему бы и нет? Получилась бы абсолютно беспроигрышная лотерея...

Не успел мальчик выговорить эти слова, как терпение старичка, видимо, наконец лопнуло, и он, отложив газету, повернулся к школьникам:

– Молодые люди! Вы меня, старика, извините, но вы, по-моему, совершенно не представляете, какие глупости вы сейчас говорите...

Школьники удивлённо посмотрели на него, однако дедуля выглядел вполне добродушно и даже немножко загадочно.

– Вы хотите сказать, что машина времени противоречит законам физики? – подчёркнуто вежливо спросил один из школьников.

– Нет, как раз этого я сказать не хочу, – ответил старичок, – Мне просто не нравится, как вы всё упрощаете. Ваш разговор – это уровень детского сада. И уберите ваши обиженные физиономии, иначе вы никогда ничему не научитесь. Путешествия во времени совсем не противоречат науке, а значит и подход тут нужен более основательный. Вы, кстати, знаете, что такое мысленный эксперимент?

Ребята озадаченно переглянулись, а старичок, не дожидаясь ответа, продолжал:

– Да, это примерно как обычный эксперимент, но только все остаются живы... У вас фантазия есть? Вы молоды – значит, должна быть, это потом, в старости, вам её заменят воспоминания... Давайте представим, что вы закончили

школу, институт, и вам предложили работать в каком-нибудь секретном государственном проекте, занимающимся перемещениями во времени... Не улыбайтесь! В этом мире есть очень много такого, о чём мы даже и не подозреваем... Вы и не представляете какие эксперименты ставились в совершенно секретном порядке, без этих, знаете, газет и телевидения... Так вот, предположим, что у вас появляется доступ к машине времени... Экспериментальной, но всё-таки машине времени. На столетия в прошлое или будущее она вас перенести, конечно, не сможет, но на несколько дней – пожалуйста. Теперь давайте рассмотрим ваш дурацкий пример с беспроигрышной лотереей...

Школьники были несколько удивлены энтузиазмом странного старичка, но слушали с интересом... Старичок же тем временем продолжал:

– Поскольку маловероятно, что у вас будет круглосуточный доступ к машине времени, в будущем вам придётся отправляться тогда, когда получится, а не когда захочется... Поэтому, скажем, неделя будет вполне достаточным сроком. Итак, за несколько дней до розыгрыша лотереи вам удаётся воспользоваться машиной времени, и раз – вы переноситесь на неделю вперёд. Там, в будущем, вы покупаете газету и видите, что розыгрыш лотереи состоялся, выигрышные номера такие-то... А заодно пронырливые журналисты написа-

ли, что самый крупный выигрыш выпал товарищу... А вот тут-то и начинаются варианты! Подумайте сами, если ваша авантюра удалась, то в газете было бы написано, что вы и выиграли. Можно тогда себя спросить – а стоило ли вообще всем рисковать, злоупотреблять машиной времени и всё такое? Может быть вы и так бы выиграли? Но это – только один из возможных вариантов, самый лучший. А что если в газете будет написано, что выиграли не вы, а какой-то совсем другой товарищ из провинциального городишки, названия которого вы раньше никогда и не слышали? Что тогда? Что это значит? Молчите? А это значит, что по какой-то причине вам не удалось воспользоваться выигрышными номерами. Почему? Вам это там, в будущем, не известно. Может быть, вам не удалось вернуться из будущего в своё время – например, машина времени сломалась, и вы оказались размазанными среди веков и тысячелетий? Или по возвращении вас задержали за несанкционированное использование машины времени? А проект-то государственный был, секретный – могли и наказать... А в те времена товарищ Берия шутить не любил, и за использование государственной машины времени в личных целях вам приговор не моргнув глазом подписал бы – расстрелять, ко всем чертям, чтобы не болтал лишнего, да и другим чтоб не повадно было по времени шляться... При Сталине с этим строго было – и за границу-то никого не пускали, а уж в будущее-то и подавно...

Старичок грустно вздохнул, но тут же снова оживился:

– А может и наоборот – там-то, в будущем, всё и обошлось, да вам просто не повезло – в своём времени под трамвай попали и билет лотерейный даже купить не успели, не то что цифры зачеркнуть... Вот такие мысли у вас в голове... Что вы будете делать? Разумеется, вы не решаетесь воспользоваться машиной времени, чтобы вернуться в своё время. К счастью, вы переместились в будущее всего-то на неделю – так что можете просто пойти к себе домой. Но для всех остальных – вы отсутствовали где-то целую неделю, так что, к сожалению, вам предстоит нелёгкое объяснение и с женой, и с начальством на работе... Объяснение с женой может оказаться гораздо более сложным и болезненным, чем вам кажется... Особенно, если у жены окажется под рукой сковородка... Это сейчас сковородки алюминиевые, тефлоном покрытые, а тогда настоящие были – чугунные, килограмма на три... К сожалению, женщина скорее поверит в существование любовницы, чем машины времени... На работе, разумеется, ни про какую машину времени рассказывать нельзя, сами понимаете, чем это может закончиться... Придётся вам сочинять про то, что вы заболели и всё такое прочее... И это с вашей сковородкой побитой физиономией... Уж не знаю, поверят вам или нет, но с работы вас точно выпрут к чёртовой бабушке... Будете потом преподавать разным бестолковым оболтусам сопротивление материалов... И будете

при этом считать, что вам ещё сказочно повезло, и вы легко отделались! Беспроегрышная лотерея? Какой бред! Какая дурь!...

Старичок, видимо, совсем расстроился... Он свернул свою газету в трубочку, резко поднялся со скамейки и, не попрощавшись, пошёл прочь по бульвару. Через несколько шагов он остановился, вздохнул, швырнул широким жестом газету в урну и быстро зашагал в сторону метро. Ошарашенные школьники молча смотрели ему вслед...

Ностальгия.

Юкатан

Ослепительный солнечный день... Бесконечное голубое небо... Бескрайнее бирюзовое море, ласково лижущее бе-

лый коралловый песок... Широкий пустынный пляж изгибается дугой и упирается вдали в тёмные скалы, над которыми возвышаются величественные руины города майя. Солнца не видно – оно сейчас где-то прямо над моей головой, греет мою верную застираную шляпу... Я неспеша бреду вдоль полосы прибоя. Изумительно тёплые волны нежно охватывают мои ноги и, проглотив их почти до колен, откатываются обратно... У меня есть три часа, целых три часа на этом сказочном берегу, а потом за мной заедет микроавтобус с кондиционером и весёлым мексиканцем за рулём, и Адам будет изгнан из Рая... Странно, что белый коралловый песок почти совсем не нагревается от солнца – он мягкий и тёплый, он словно знает, какая температура мне наиболее приятна... Я просто бреду вдоль кромки моря к виднеющимся вдали руинам... Иногда я бросаю на песок мои шорты, рубашку, шляпу, небольшой рюкзачок с бутылкой воды, кроссовками и фотоаппаратом, и захожу в море и плаваю... Это непередаваемое ощущение, когда у воды и воздуха одинаковая температура – чувствуешь себя одним целым с этим огромным миром... Каждая клеточка моего тела расслабляется и растворяется в блаженстве – ведь состав внутриклеточной жидкости – это состав первобытного океана. Значит, сейчас моим клеткам нет необходимости противостоять враждебной внешней среде, и они наслаждаются этим удивительным химическим балансом... Потом я выхожу на берег, накидываю на себя одежду и шляпу, чтобы не обгореть на солнце, и

продолжаю моё путешествие... Так я делаю, наверное, через каждую сотню метров... Я прохожу мимо нескольких лодок, привязанных к буйкам недалеко от берега. Очевидно, здесь по другую сторону пляжа какое-то поселение индейцев майя – из-за пригорка виднеются крыши из пальмовых листьев. На одной из лодок, свесив ноги в воду, сидит женщина-майя в ярком красно-белом платье. Она не одна – с ней две маленькие девочки. Одна из девочек сидит рядом с мамой, а другая плещется в море, держась за борт лодки. Увидев меня, женщина приветливо улыбается и говорит: «Ола!». Девочки ничего не говорят, только с любопытством смотрят на меня большими тёмными глазами.

– Ола! – отвечаю я и тоже улыбаюсь.

Я иду дальше – туда, где кончается пляж... Там, возле скал, полоса белого песка становится тоньше и тоньше, а потом переходит в нагромождение бело-серых коралловых глыб. Здесь, в конце пляжа, лежат тёмные кучи водорослей, веток – всего, что выбросили на берег волны... Две девушки-майя с интересом разглядывают что-то среди водорослей – возможно, там притаился краб или какая-нибудь другая морская живность. Девушки смеются и болтают на непонятном языке; не на испанском – значит, это язык майя. На девушках совсем ничего нет кроме миниатюрных юбочек какого-то красновато-розового цвета. Они явно только что ку-

пались – на их смуглой коже блестят капельки воды, а юбочки прилипли к телу... Господи, какой сейчас год? Ещё совсем недавно я думал, что сейчас декабрь 2007 года, но почему это должно быть правдой? А если я ошибаюсь, и сейчас на самом деле 1507, 1007 или просто седьмой год? Белый песок, ласковое тёплое море, девушки-индианки играющие с запутавшимся в водорослях крабом... Я вдруг понимаю, что не могу никак, даже сам для себя, подтвердить, что сейчас

XXI

век. Я выпал из потока времени... Я смотрю на бирюзовое море – вдруг там сейчас, на горизонте, впервые появится белый парус испанской каравеллы?.. Девушки заметили меня и, с любопытством поглядывая в мою сторону, неспеша направились вдоль полосы прибоя. У одной из них в руке была белая морская раковина, и она шла приложив её к уху...

...Многие города майя были покинуты жителями ещё задолго до прихода испанцев. Это одна из загадок майя... А может быть всё очень просто, и они ещё тогда поняли – ну её на фиг эту цивилизацию; кому нужны эти гонки на работу и с работы, сидение в пробках, давка в метро, накопление каких-то бумажек или просто цифр на банковской распечатке, покупка, в общем-то, никому не нужных вещей... Зачем всё это, когда есть такое сказочно-бирюзовое тёплое море, белый песок, бесконечное голубое небо и счастливые дети, играющие между этих трёх стихий?..

...У меня было всего три часа на том сказочном берегу, но в моих воспоминаниях, эти три часа уже давно превратились в вечность; ведь когда выпадаешь из потока времени – часы и минуты теряют смысл. И я буду вечно идти вдоль бесконечной полосы прибоя, и боги майя будут со снисходительной улыбкой смотреть на странного смертного, посетившего их мир...

Мост господина Больца

Однажды в тихой и размеренной жизни господина Больца произошло неприятное событие – мост через неширокую речку, пересекавшую его луг, вдруг взял да обвалился. Самое неприятное было то, что в момент обрушения моста сам господин Больц находился за рулём своего старенького трактора и как раз через этот мост переезжал...

В результате, трактор со страшным скрежетом и с прицепленной к нему сенокосилкой боком съехал в реку, где сразу же заглох и погрузнел. Сам господин Больц оказался в холодной воде вместе со всеми своими семьюдесятью двумя годами и потрёпаной кепкой.

К счастью, он не пострадал и уже через пару минут сидел на траве на берегу речки, отдыхая и греясь на солнышке. Пыль улеглась, и господин Больц хозяйским взглядом осматривал мост и оценивал ущерб...

Трактор, конечно, можно вытащить. Придётся, разумеется, заплатить и за тягач, и за кое-какой ремонт, но это не самая большая проблема. Уплывавшая вниз по течению старая кепка также не слишком огорчила господина Больца. Вот восстановить мост будет несравненно дороже, а восстанов-

ливать мост надо – иначе большая часть луга окажется совсем недоступной... В левой половине моста зияла огромная пробоина словно от небольшого артиллерийского снаряда или мины, или словно откусил кто-то... В общем-то, мост частично устоял – по правой половине вполне можно было переправиться через реку и пешком, и на велосипеде, и даже этот вечно радостный придурок почтальон смог бы проехать на своём мотоцикле...

– У вас всё в порядке? – раздался тихий вкрадчивый голос где-то совсем рядом, прямо над головой господина Больца.

Вздвогнув от неожиданности, господин Больц обернулся и увидел довольно странного юношу в ярко-оранжевом одеянии в виде обёрнутой вокруг туловища простыни. Голова юноши была абсолютно начисто выбрита и покрыта ровным загаром. «Это что ещё за Харе Кришна?», – подумал господин Больц и хотел было подняться на ноги, но юноша, словно угадав его намерение, сделал мягкий жест рукой, вроде как «нет-нет, сидите», и тут же сам уселся на травке рядом с господином Больцем.

– Так у вас всё в порядке? – снова спросил юноша.

По-немецки он говорил совершенно без акцента, поэтому господин Больц решил, что это сын кого-то из местных...

«С жиру бесится... Как и моя Катарина в своё время...», – подумал он.

Катарина, дочь господина Больца, уже очень давно покинула родительский дом и жила теперь в Дюссельдорфе. С отцом она виделась нечасто – возможно из-за того, что не от всех её решений в плане личной жизни господин Больц был в восторге...

– Спасибо, всё хорошо, – ответил господин Больц, – Мост вот только жалко...

– Да, мост жалко, – согласился юноша, – Нехорошо, когда мосты обваливаются... Я могу вам чем-нибудь помочь?

«Добрый малый, – подумал господин Больц, – Его бы ещё одеть по-человечески...»

– Спасибо, – сказал господин Больц, – но я цел и невредим, а мост и трактор – это проблема с которой я смогу справиться...

– Не сомневаюсь, – улыбнулся юноша, – Главное – это знать в чём именно проблема...

– Чего тут знать? – пожал плечами господин Больц, – И

так всё видно: трактор – в реке, мост – обвалился ...

– Мосты просто так не обваливаются, – загадочно улыбнувшись сказал юноша.

– Что же это, – удивился господин Больц, – по-вашему получается, что его заминировали?

– В каком-то смысле, – ответил юноша, – Понимаете, этот мир всего лишь отражение того, что у нас внутри. Почему, например, мост обвалился именно под вами? Возможно потому, что мост обвалился у вас внутри... Мост – это очень сильный символ...

– Какой бред, – вздохнул господин Больц.

– Это не такой бред, как вам кажется, – юноша поднялся на ноги, – Подумайте хорошенько, почему именно вы оказались на этом мосту, когда он рухнул? Вам это ни о чём не напомнило?

– Мне? Нет. – в голосе господина Больца послышалось раздражение.

– Всё не так уж и плохо, – примирительно сказал юноша, – Вы же видите, что мост устоял – значит всё ещё можно ис-

править... Всего вам доброго! До свидания...

Юноша улыбнулся и легко зашагал вниз к мосту. Под внимательным взглядом господина Больша он перешёл мост по уцелевшей половине и скрылся за пригорком. Господин Больша был мрачен. Да, падение с моста, действительно, напонило ему о том, о чём он давно уже старался не вспоминать...

Сначала это было лишь смутное непонятное ощущение чего-то такого, что с ним уже когда-то было... Слова юноши странно усилили это чувство, и вот оно вырвалось, наконец, из тёмных закоулков памяти... Грохот обсыпающихся камней, лязг железа, страх...

Это была весна 1945 года, он и Маленький Вальтер бежали среди груд камней по улице погибающего Города. Отовсюду слышались выстрелы и продолжительные пулемётные очереди, иногда что-то оглушительно грохотало, и мостовая под ногами колебалась как при землетрясении. Они бежали прижимаясь к развалинам домов и стараясь держаться подальше от лежащих здесь и там трупов. Маленький Вальтер всё время отставал, хотя он тащил всего лишь одну винтовку – мальчишке, которому потом суждено было стать господином Больша, приходилось кроме винтовки тащить ещё и панцерфауст...

Они получили приказ, их первый боевой приказ – два русских танка только что свернули на параллельную улицу, которая после недавнего обстрела превратилась в тупик – рухнувший дом завалил проезжую часть. Значит, теперь танки в ловушке, и когда они повернут обратно, их не выпустят – четверо ребят из их отряда уже заняли позиции и только ждут... А вот его и Маленького Вальтера послали к завалу по параллельной улице на всякий случай, если вдруг русские попытаются прорваться через двор разбомбленного дома.

Двор был завален обломками рухнувшей стены, так что спрятаться там двум подросткам оказалось совсем не трудно. Переулок, откуда могли появиться русские танки, был как ни странно свободен от обломков, а значит была большая вероятность, что русские им воспользуются, когда обнаружат, что по улице им не проехать... Было совершенно непонятно, что происходило вокруг – отовсюду слышалась стрельба, где-то грохотала артиллерия, рушились здания... Но здесь во дворе было относительно спокойно...

Неожиданно совсем рядом что-то оглушительно рвануло, и сразу же послышался нарастающий рёв танка, где-то близко-близко...

То, что произошло потом, господин Болыц помнил во всей

последовательности с точностью до долей секунды... Он нацелил панцерфауст на проём между домами ожидая в любой момент появления русского танка. Маленький Вальтер залёг рядом за кучей битого кирпича. Рёв танка приближался заглушая всё вокруг...

Неожиданно справа, совсем рядом с ними, кирпичная стена начала вдруг надуваться подобно огромному мыльному пузырю... Мальчишки, вздрогнув от неожиданности, вскочили на ноги, и тогда кирпичный пузырь с грохотом лопнул, окутав их непроницаемым облаком пыли и кирпичных брызг... В проломе появился огромный тёмный танк, дышащий жаром и, казалось, стряхивавший с себя куски стены... Резко запахло машинным маслом и дымом...

Стальной монстр на мгновение остановился, как будто чтобы отдышаться, и тут оцепеневшие от ужаса мальчишки увидели над башней танка человека в чёрном шлеме. Он казался совершенно спокоен и неподвижен. Его лицо было вполне по-человечески покрыто грязью и потом, но даже много лет спустя господин Большц верил, что тогда он увидел что-то нечеловеческое, какое-то Божество Смерти, если не саму Смерть... Он на всю жизнь запомнил тот взгляд... Это не был взгляд живого существа, в нём не было ни страха, ни ненависти, в нём не было ничего... совсем ничего, только

пустота... В ту секунду, когда танк чуть приостановился, человек посмотрел на двух дрожащих от страха мальчишек, и его губы тронула едва заметная улыбка... Это была странная полуулыбка человека с мёртвыми глазами, презрительная и надменная. Это была улыбка существа не из этого мира; существа, державшего их маленькие жизни на своей ладони...

Маленький Вальтер стоял рядом и хныкал, непрерывно повторяя что-то совершенно бессмысленное. Господин Больц прижимал к груди панцерфауст и чувствовал, что ноги его подгибаются, а через всё тело волнами прокатывается какая-то липкая слабость...

Через мгновенье танк взревел и, с хрустом ломая гусеницами обломки кирпичной стены, проехал мимо парализованных страхом и каким-то мистическим ужасом мальчишек... Сразу показалось, что стало очень тихо, хотя танк ещё довольно долго пробирался через заваленный двор объезжая нагромождения битого кирпича.

Господин Больц потом часто думал, почему он так и не выстрелил тогда вслед танку? Из чувства благодарности, что ему только что подарили жизнь? Или он просто не верил, что тот танк можно было уничтожить? Или он боялся, что то нереальное существо вернётся...

Гораздо позже, в разговорах о войне с теми, кто был на фронте, господин Больц слышал похожие истории о встречах со Смертью в виде какого-то человекоподобного существа, иногда даже в виде женщины...

Про свою встречу господин Больц никогда никому не рассказывал. Про неё знали только он, господин Больц, Смерть и Маленький Вальтер...

Что произошло потом? Они не вернулись в отряд. Господин Больц и Маленький Вальтер практически не разговаривали в тот день – они понимали друг друга без слов. Панцерфауст и две винтовки они бросили в том дворе среди груд битого кирпича. Они получили своё предупреждение – война для них была окончена. Потом было сложное и опасное бегство из погибающего Города. Через много лет, когда господин Больц со своей женой посетил Помпеи, он почему-то представил последний день этого города как тот день, когда он и Маленький Вальтер бежали из Города...

Им тогда удалось выбраться. Потом, в какой-то деревне, странная полоумная старуха плача и ругаясь срывала с них униформу... Она накормила их и дала им одежду своего сына, погибшего на подводной лодке где-то в Атлантике... Потом их схватили американцы. Маленького Вальтера они тут же отпустили, так как увидели, что он был совсем ещё ре-

бёнок, а вот господину Больцу связали за спиной руки и куда-то повели.

Он так никогда и не узнал, куда его тогда вели – по дороге, на мосту через какую-то неширокую речку, им встретился старый немец на одной ноге, который неожиданно начал кричать на американцев и требовать чтобы они отдали ему его внука. Американцы не говорили по-немецки и поэтому не сразу поняли, чего тот хотел. Однако одноногий инвалид, кидающийся на вооружённых солдат и требующий чего-то даже под дулами направленных на него винтовок, произвёл на них впечатление, и мальчика отдали. Так господин Больц и стал, собственно, господином Больцем, так как спас его старый фермер Больц, потерявший ногу ещё в Первую мировую на Западном фронте. Что стало с Маленьким Вальтером, господин Больц так никогда и не узнал, хотя и потратил на поиски немало усилий...

...Господин Больц очнулся от своих воспоминаний. Он торопливо поднялся на ноги и, взглянув ещё раз на затонувший трактор и обвалившийся мост, зашагал по направлению к дому, чтобы поскорее переодеться в сухое и вызвать тягач. Поднявшись на холм, господин Больц не удержался и оглянулся, ожидая увидеть где-нибудь посреди луга того странного юношу в оранжевом одеянии. Однако нигде никого не

было... «Что за наваждение... – подумал господин Больц, – Не мог же этот Далай Лама так быстро исчезнуть? Сколько я там просидел, когда он ушёл? Минут пять, не больше. Где же он тогда?»

Удивлённый господин Больц даже свернул с дороги, чтобы забраться на холм повыше... Теперь ему открылась вся панорама окрестностей – за его лугом начиналось обширное рапсовое поле господина Шерцера, за ним, почти у горизонта – автобан с мчащимися разноцветными муравьями-автомобилями, за автобаном тёмной стеной стоял лес... И нигде никого не было...

«Бред какой-то, – подумал господин Больц, – Куда же он делся?..» И господин Больц решил, что при первом же случае надо будет проверить зрение. Вообще-то, он гордился своим зрением – всё-таки семьдесят два года – и пока никаких очков, но возраст, видимо, брал своё...

...Добравшись домой, господин Больц первым делом принял горячую ванну и переоделся во всё сухое. Потом он позвонил и вызвал тягач, который ему пообещали прислать в течение ближайших двух часов. Господин Больц позвонил также в местное управление дорог и поинтересовался, не окажут ли ему содействия в ремонте обвалившегося моста. Оказалось, что мост у них нигде не значился, а значит ни

денег, ни материалов местное управление дорог выделить не сможет. Правда, любезная девушка на том конце провода мостом заинтересовалась и предложила, что они могут прислать инженера на неделю, чтобы тот посмотрел мост. Господин Больц скептически ответил, что от взгляда инженера мост вряд ли восстановится, но согласился...

Вечером того же дня господин Больц вытащил на веранду любимое кресло своей покойной жены и, налив себе большую рюмку коньяка, откинулся на удобную спинку созерцая великолепную картину заката... Все дневные дела и заботы его небольшого фермерского хозяйства были улажены. Трактор благополучно дремал возле мастерской – завтра господин Больц посмотрит, что там нужно починить...

Из головы господина Больца всё никак не выходила встреча со странным юношей в оранжевой простыне. Может, и правда, этот мост – предупреждение, знак, что пора, как и тогда в 1945-м, сложить оружие? За что он сражается? Зачем? Проиграл ли он тогда, бросив панцерфауст и винтовку и бежав с поля боя? Нет, господин Больц считал тот случай крутым поворотом судьбы, но не поражением...

«Ну что ж, – подумал господин Больц, – Надо звонить Катарине. Пусть приезжает с детьми и со своим турком... Как его там? Мехмет? Хорошо ещё, что детям немецкие имена

дали и нашу фамилию... Ладно, посмотрим, что получится...»

Дочь господина Больца обрадовалась звонку отца. Они проговорили больше часа, а это было для них необычно. Оказалось, что Мехмет уже давно без работы и подрабатывает иногда убирая по ночам в каких-то закусочных. У детей, Вальтера и Патриции, были летние каникулы...

Господин Больц пригласил их навестить его всей семьёй, когда они только этого пожелают, но лучше всего – в самое ближайшее время.

– Папа, что случилось? – забеспокоилась Катарина, – У тебя всё хорошо?

– У меня всё хорошо, – ответил господин Больц, – Не беспокойся. Просто я хочу вас всех увидеть.

– Обещай, что ты не будешь... – дочь запнулась на полуслове.

– Я обещаю... – она уловила его улыбку на другом конце провода, – Я буду добр к твоему Мехмету, он как-никак твой муж и отец моих внуков... То что было – не повторится...

– Спасибо, папа... – Катарина была действительно озадачена произошедшей с отцом переменой.

Прошло несколько дней. Жизнерадостный почтальон приближаясь на своём мотоцикле к обвалившемуся мосту обратил внимание на какого-то человека в тёмной куртке. Человек этот вёл себя очень странно – он зачем-то залезал под мост, рылся в каменной россыпи на обвалившееся стороне моста, брал в руки и разглядывал отдельные камни, делал какие-то отметки в блокноте и фотографировал мост с разных сторон. Подъехав поближе и разговорившись с незнакомцем, почтальон узнал, что это инженер дорожной службы, которого прислали посмотреть мост...

...Господин Больц, его дочь Катарина и её муж Мехмет обедали за столом на веранде.

– Экономист, говоришь? – господин Больц скептически разглядывал зятя, – Ну и что же это за экономику вы создали, если сами экономисты сидят без работы и МакДональдсы по ночам убирают?

– Папа... – осторожно сказала Катарина.

– Что папа? У папы – хозяйство, папа на пособии не сидит...

Наступила неловкая тишина. Мехмет грустно глядел в тарелку.

– Он проводит много времени с детьми, – робко вступилась за мужа Катарина.

– Детям нужен отец, который работает, а не дома на пособии сидит, – ответил господин Больц.

– Я ищу работу... – нерешительно сказал Мехмет.

– Ну ладно, – голос господина Больца повеселел, – У меня есть к вам одно предложение. Слушайте, что я решил... Мехмет останется до осени здесь – работы много, не заскучает. Понравится ему – отдам потом вам всё хозяйство. Фермеры, в отличие от экономистов, без работы не сидят. Платить я тебе не буду, не за что пока, но учить буду, за это не беспокойся...

– Но я никогда... – начал было Мехмет, но господин Больц уже выбирался из-за стола.

– Приступим сразу после обеда, – сказал он направляясь в дом, – Я пока подыщу тебе рабочую одежду из моих припасов...

Катарина взглянула на мужа:

– Ты согласен?

Тот только кивнул, но тот тревожно-испуганный взгляд, с которым Мехмет просидел почти весь обед, исчез, и в его глазах засветилось любопытство...

Прошло несколько дней. Господин Больц стоял вместе с дочерью у обвалившегося моста, дети возились внизу, лазая вверх и вниз по каменной осыпи... Невдалеке тархтел трактор – Мехмед совершенно самостоятельно убирал сено.

– Ты не очень его гоняй, – попросила Катарина, – Он, действительно, старается...

– А он не очень обиделся тогда за мои комментарии по поводу Турции и турок? – спросил господин Больц.

– Это было давно, – вздохнула Катарина, – Он очень тебя уважает... Даже когда вы поругались, он всё равно назвал

сына Вальтером, как ты хотел... Культура у них такая, ты же ему – тесть... Скажешь ему с моста в воду прыгнуть – думаю, прыгнет... – и она улыбнулась.

– Странно... Ну может когда и воспользуюсь, – улыбнулся господин Больц, – А вообще-то, я думаю, что ему нравится: посмотри, как у него глаза светятся – аж отсюда видно...

...Подъехавший на мотоцикле почтальон радостно поприветствовал всю семью, с некоторым удивлением посмотрев на слезающего с трактора турка.

– Это мой зять, – представил Мехмета почтальону господин Больц, – Он будет мне помогать.

– Очень! Очень приятно! – воскликнул почтальон и радостно кинулся пожимать руку несколько ошарашенному Мехмету.

– Скажи, – обратился к почтальону господин Больц, – у кого здесь в окрестностях сын в буддисты или в Хари Кришна подался? Ходит тут в оранжевой простыне...

– Не знаю, – задумался почтальон, – Не встречал...

– Понятно, – улыбнулся господин Больц, – Я так и ду-

мал...

Он с интересом смотрел, как его внуки копошились у опоры моста. Почему-то ему вдруг подумалось, что маленький черноволосый Вальтер, как-никак, будет тоже господин Больц...

А где-то через неделю господину Больцу позвонили из дорожной службы, и радостная девушка сообщила, что мост оказался очень старым, вероятно первой половины XV века, и на его восстановление местные власти согласились выделить средства из бюджета, если, конечно, господин Больц не возражает...

Происшествие в замке Шамбор

Un incident au chateau de Chambord (Происшествие в замке Шамбор)

26 августа 2004 года, приблизительно 13:30 по местному времени

Во время посещения замка Шамбор мы стали свидетелями достаточно короткой, но непонятной сцены. Поднявшись по знаменитой двойной винтовой лестнице, мы неспеша осматривали залы замка... Кстати, тогда в одном из залов была временная выставка рукописей Леонардо да Винчи... Народу было относительно немного, так что насладиться великолепием одного из прекраснейших замков Луары можно было без спешки и толкотни... Мы находились в центральной части замка, недалеко от лестницы, когда неожиданно послышался довольно громкий звон колокольчика. Откуда он исходил было непонятно, и немногочисленные посетители, включая нас, начали озадаченно крутить головами в поисках источника возмущения музейного спокойствия. Колокольчик слышался всё громче и громче, и вдруг мы увидели такую картину... Прямо на нас, высоко поднимая колени, бежал очень высокого роста мужчина в костюме шута. Да, да, обыкновенного средневекового шута – в колпаке с болтающимися язычками, в каком-то подобии трико или комбинезона зелёного и серого цвета и в забавных башмаках с длинными задраными кверху носами. На колпаке и башмаках были закреплены бубенцы, которые и производили весь этот звон, столь непривычно звучащий под сводами музея. Моей первой мыслью было, что это – переодетый сотрудник музея создаёт, так сказать, историческую атмосферу для посетителей. Идея, по-моему, на редкость удачная – не часто в музеях встретишь такое вот творческое отношение к работе.

Думаю, что подобные мысли возникли тогда и у других посетителей... Однако в следующую секунду все мы были немало удивлены и озадачены. Оказалось, что шут бежал не просто так, сам по себе – на самом деле он спасался от погони. Следом за шутом бежали два явных преследователя: сотрудник музея и самый настоящий жандарм в круглой фуражке. Убегая от них шут ловко лавировал между немногочисленными посетителями, заставляя тем самым своих преследователей постоянно менять направление и не давая им как следует разогнаться. К тому же, как мне показалось, служащие музея и жандарм старались сохранять какое-то подобие благопристойности и не столько ловили шута, сколько загоняли его в какой-нибудь тупик или угол. Шут пробежал где-то в метре от нас... Меня удивило то, что он оказался чуть повыше меня ростом, а рост у меня как-никак сто девяносто... Ещё больше меня поразило трико, в которое шут был одет – оно было небрежно сшито из кусков какой-то грубой ткани серого и зелёного цвета, сильно изношенное и откровенно грязное... Шуту было явно за тридцать, если не под сорок. Его лицо было длинным и вытянутым, и выражало не то чтобы ужас, но какой-то настороженный испуг. Светло-серые или голубые глаза, казалось, видели совсем другую реальность, так что я не думаю, что кому-нибудь из посетителей удалось тогда встретиться с ним взглядом. В какой-то момент я даже подумал, что он налетит на меня, но шут резко изменил траекторию и побежал ко входу в один из залов

замка. Не знаю, почему шут всё время высоко поднимал колени; это выглядело, действительно, комично — хотя, возможно в его башмаках с задраными носами бежать по-другому просто не получилось бы... Шут скрылся в другом зале, и служитель музея с жандармом бегом проследовали за ним. Через пару секунд звон бубенцов утих... Удивлённые немногочисленные посетители музея улыбаясь переглядывались и не очень поспешно, но целеустремлённо направились к дверям, за которыми скрылись участники странной погони. Мы тоже пошли туда... Однако через несколько секунд, когда до распахнутых дверей оставалось каких-то 3-4 метра, оттуда нам навстречу вышли служитель музея и жандарм. Они выглядели растерянными и озадаченными. О чём-то негромко переговариваясь и проигнорировав или не услышав вопроса одного из любопытных посетителей, они прошли к винтовой лестнице и скрылись. Мы вошли в зал, куда незадолго до этого вбежал шут, однако кроме других любопытствующих посетителей, там никого не было... Не было там так же и каких-либо других выходов или укрытий, где можно было бы спрятаться — разве что картины на стенах...

Комментарии автора:

Эту историю я записал, надеясь при случае перевести её на французский и отправить в музей замка Шамбор, чтобы

спросить, что же это всё-таки было... Возможно, есть простое и логичное объяснение случившемуся. А пока что я, действительно, не знаю, было ли это костюмированным представлением для посетителей замка, призраком или может чем-то вроде явления "time slip", как выражаются в англоязычной литературе. Рассмотрим все эти версии поближе...

Версия 1: костюмированное представление

У этой версии возможны два варианта:

– костюмированное представление организованное администрацией музея замка Шамбор.

– костюмированное представление организованное психом-одиночкой помешанным на временах Франциска Первого.

Здесь версия психа-одиночки кажется мне более правдоподобной – становится понятным присутствие жандарма. Удивляет только костюм шута, выполненный явно без участия швейной машинки и поражающий своей исторической аутентичностью – где простому психу удалось достать этот редкий экспонат, который, к тому же, пришёлся ему удивительно впору? Не думаю, что рост под два метра был чем-

то обычным во времена Франциска Первого... Если же допустить, что этот псих-одиночка сам сшил себе такое одеяние, то место ему не в лечебнице, а в каком-нибудь театре или на киностудии в качестве главного художника по историческим костюмам... Непонятно, правда, где и когда ему удалось так износить и запачкать своё трико – было совершенно очевидно, что оно никогда ни разу не было в стирке. Неужели он, действительно, так часто устраивал подобные представления? (Так же часто, как и настоящий шут эпохи Франциска Первого?)

Однако даже психам-одиночкам не дано нарушать законы физики – как объяснить, куда и как он смог столь внезапно и бесследно исчезнуть?

Версия 2: призрак

Честно говоря, никаких мыслей о сверхестественном в тот момент у меня не было. Всё выглядело предельно реалистично – необычно, но реалистично. К тому же дело было днем, а призраки, как известно, предпочитают тёмное время суток... И зачем было призраку убегать от жандарма? Я что-то никогда не слышал, чтобы представители власти задерживали привидения. Призрак отца Гамлета потому и был призраком, что он игнорировал дворцовую стражу. Вряд ли жан-

дармерия замка Шамбор стала бы всерьёз заниматься отловом разных потусторонних личностей, даже если они не заплатили за вход в музей... Так что я думаю, что шут был вполне материален – не зря же он старался не столкнуться с посетителями музея и пользовался дверями. Или шут не знал, что он – призрак? А вообще-то, можно и обидеться – если кому и явится привидение, то это обычно либо призрак кого-то из королевских кровей, либо знаменитости какой, а мне вот, нате – шут в колпаке и с бубенчиками... За что? Одна радость – не один я там был, так что шут, может, на самом деле кому-то другому явился, а я так, просто свидетелем оказался...

Версия 3: неконтролируемое путешествие во времени («time slip»)

Эта версия – в какой-то степени вариант версии с призраком. Разница лишь в том, что шут – не какое-то проявление потусторонних сил, а самый обыкновенный шут, только непонятным образом забрёдший к нам в XXI век из своего Средневековья. Вот шёл он там у себя по замку, может как раз на работу спешил – Франциска Первого за обедом развлекать, а тут раз – и что-то непонятное... Вроде и замок тот же, а обстановка изменилась... Люди в странных одеждах, смотрят как-то подозрительно... Вот кто-то спрашива-

ет что-то, остановить пытаются – ну шут, понятное дело, паниковать начал. А тут ещё два каких-то странных субъекта в униформах прицепились, хотят неизвестно чего... Бежать, спастись надо... Вбегает шут в очередной зал – и вдруг всё колыхнулось, и он снова в своём времени. Может, даже какой знакомый окликнул его там, типа, «...ты чего тут делаешь, когда тебя наш милостивый государь к обеду ждёт со свежими шутками? А ну-ка быстро в столовую!» Интересно, рассказал ли шут своему государю о происшествии? Тот, наверное, подумал: «Чего этот шут только не придумает, чтобы своё опоздание к обеду оправдать!...». Впрочем, Франциск Первый государь был прогрессивный и великодушный – простил, наверное...

Дикари

Давным-давно, затерявшись где-то среди бесчисленных островов Полинезии, жили были два народа, два племени. Они населяли две небольшие группы островов, которые, впрочем, находились совсем недалеко друг от друга, так что когда один французский мореплаватель наносил их на карту в конце XVIII века, то он объединил их в один архипелаг. Разумеется, сами жители архипелага придерживались совершенно другого мнения и ревностно охраняли свои острова от посягательств соседнего племени. Войны между этими двумя племенами вспыхивали с такой же неотвратимой регулярностью, с какой тёплые бирюзовые волны накатывались на ослепительный белый коралловый песок их островов. Почему они воевали? В самом деле, почему? На всех островах были в изобилии разнообразные фрукты и овощи. Рыбаки обоих племён обеспечивали своих соплеменников и рыбой, и разными прочими морскими вкусностями... Чего им не хватало? А воевали они исключительно из-за женщин. Как только в каком-нибудь из племён набиралось достаточное число юношей, созревших (во всех смыслах) для семейной жизни, они вооружались, чинили старые или строили новые каноэ, получали благословение от вождя и шамана, и отправлялись на острова другого, враждебного, племени. Главной задачей их полинезийского плана «Барбаросса» был

захват девушек, которым предстояло стать жёнами доблестных воинов. Да, именно так – по древней традиции обоих племён, жениться можно было исключительно на незамужних дочерях из враждебного племени. И здесь не дай бог ошибиться – ведь все без исключения замужние женщины враждебного племени – дочери твоего родного племени, а жениться на дочери из родного племени – «табу», то есть «даже и не думай»! Разумеется, мужчины враждебного племени с оружием в руках отчаянно бились с потенциальными женихами, защищая своих дочерей и сестёр. Однако, все участники сражений прекрасно понимали, что эти войны – всего лишь разновидность семейной ссоры, поэтому смертельные случаи были большой редкостью (разве что, будущий зять, действительно, ну очень не понравился будущему тестю...). По традиции, каждый воин мог похитить только одну девушку. Вернуться без девушки было большим позором для воина, если только он не мог доказать, что ему довелось столкнуться, как говорится, «с намного превосходящими силами противника». Лучшим доказательством этого были, конечно же, видимые телесные повреждения или, даже лучше, ранения. Таким образом, ненашедший своей половины мог либо схватить первую встречную и надеяться, что чувства проснутся позже, либо просто ввязаться в драку с противником посильнее. В последнем случае уловка, несомненно, легко раскрывалась, и незадачливому соискателю, действительно, навешивали по полной программе. Причём

девушки, которых он забраковал, в гневе присоединялись к своим отцам и братьям и были действительно беспощадны... Отбив у неприятеля девушек, победители, не искушая судьбу, спешили отплыть обратно на свои острова. На берегу оставались лишь воины враждебного племени, размахивающие боевыми дубинками и что-то угрожающе кричащие, а так же не менее разъярённые девушки, которых по какой-то причине не похитили. Преследовать вражеские каноэ было не принято. Вместо этого юноши начинали готовиться к ответному набегу за соплеменницами врагов, похитивших их сестёр... Доставленные во враждебное племя девушки исполняли у ночного костра ритуальные танцы и грустно пели, тоскуя по родному племени... А потом они становились заботливыми жёнами и рожали детей своим похитителям. И их дочери мечтали, что однажды за ними из-за моря приплывут на больших лодках мужественные воины, потому что все знали, что в соседнем племени – самые мужественные мужчины... А их сыновья мечтали стать храбрыми и сильными воинами и научиться строить большие и быстрые каноэ, потому что все знали, что в соседнем племени – самые лучшие женщины... Так они и жили – год за годом, век за веком... Однажды, может быть сто или больше лет назад, откуда-то из-за моря появились десятки больших лодок со множеством воинов. Они напали на одно из племён. К счастью, вождь успел послать гонца в другое племя с просьбой о помощи. Выслушав гонца, все ужаснулись: «Если соседнее племя по-

гибнет, где мы и наши сыновья будем брать себе жён?». Не раздумывая все мужчины племени как один схватились за оружие и на своих боевых каноэ помчались на помощь. В жестокой битве, плечом к плечу и объединёнными усилиями, два племени наголову разбили общего врага, потопив почти все вражеские каноэ... И жизнь двух племён вернулась в своё обычное русло... Они говорили на одном языке, потому что за столетия их языки перемешались, и в каждом племени каждая семья была так или иначе связана родственными узами с семьёй из другого племени... Французский мореплаватель, посетив обоих вождей и ознакомившись с ситуацией на островах, всё никак не мог понять, почему эти два племени считали себя не только разными племенами, но ещё и врагами. Размышляя о странных традициях туземцев, он вздохнул и коротко записал в своём дневнике: «дикари».

Случай из жизни дикарей

Это случилось вечером на одном из бесчисленных островов Полинезии много-много лет назад, в XVIII веке...

День клонился к вечеру, и солнце уже спешило укрыться в водах бескрайнего океана. Ветра почти не было. Небольшие спокойные волны ласкали белый коралловый песок пляжа. Дневная жара уже позабылась, и весь мир казался удивительно спокойным, приятным и расслабленным. В нескольких сотнях метров от берега, за полосой коралловых рифов, стоял на якоре французский фрегат – паруса были убраны, и корабль, казалось, спал, слегка покачиваясь на едва заметных волнах...

...Французский мореплаватель, старый и опытный морской волк, неспеша шёл по белому песку пляжа. Это был его последний остров. Он специально приказал остановиться здесь. Возраст и здоровье брали своё, и он знал, что больше он никогда не вернётся в Полинезию... Это было его прощание с островами, где он провёл последние двадцать лет своей жизни. Всё было за эти годы: и гостепреимные островитяне, и ласки прекрасных женщин, и улыбки могущественных вождей, и кровопролитный схватки с дикарями, когда корабельная артиллерия сметала с лица земли целые тузем-

ные поселения... Всё было... Но сейчас мореплаватель был один – шлюпка с четырьмя матросами ждала чуть в отдалении. Все знали, что он прощается с Полинезией, и не хочет, чтобы его беспокоили.

Пляж был пустынен и идеально красив – белый песок, изумрудные волны, высокое безоблачное небо и приятный оранжевый свет заходящего солнца... Мореплаватель остановился около старой изогнутой пальмы, торчащей тут же посреди песка, и ласково погладил её рукой. Этот мир, который казался ему столь прекрасен и совершенен, скоро останется только в его воспоминаниях... Сколько лет ему осталось? Увидит ли он родную Францию? Кто знает... – но этот белый песок и это изумрудное море навсегда останутся с ним...

Что-то привлекло внимание мореплователя – чуть впереди к морю вышла молодая туземная девушка и, не заметив его, направилась к полосе прибоя. Девушка была абсолютно голой, как это было здесь принято, с чёрными блестящими волосами и смуглой кожей. Она была практически подростком, но татуировки внизу живота, а также на руках, чуть выше локтей, говорили, что девушка уже прошла обряд посвящения и была, как бы сказали в Европе, невестой на выданье... За столько лет в Полинезии мореплаватель успел изучить и язык, и многие обычаи островитян. Он не спешил

обнаружить себя и остановился за пальмой наблюдая за девушкой. Девушка вела себя несколько странно. Сначала она вошла по колени в море и вдруг быстро побежала вдоль берега, поднимая облака брызг и размахивая руками. Потом она вышла на берег и начала танцевать – мореплаватель сразу узнал элементы туземных танцев: девушка то изгибалась всем телом поднимая руки и устремляясь вверх, то наклонялась вперёд грациозно покачивая попой и показывая все свои прелести... Двигаясь в танце, девушка приблизилась к пальме, за которой скрывался мореплаватель, и, внезапно обнаружив его, в испуге остановилась...

– Не бойся, девочка! – поспешил сказать старый мореплаватель на полинезийском наречии, – Я не причиню тебе вреда. Мне нравится твой танец.

Несколько секунд девушка напряжённо рассматривала старика, не зная бежать ли ей прочь со всех ног или остаться. Однако тот факт, что он говорил если не на её родном языке, то на очень близком наречии, заинтересовал девушку.

– Кто ты? – спросила она встав перед мореплавателем слегка расставив ноги и совершенно не пытаясь хоть как-то прикрыться.

– Я подданный великого вождя моей страны, Франции, –

ответил мореплаватель, – И это мой последний день на ваших островах. Я уезжаю домой... Я уезжаю навсегда...

– Я знаю, что вождь белых людей – это великий вождь, – сказала девушка, – Вождь белых людей может посылать тёмные облака куда он захочет.

Мореплаватель улыбнулся – он уже привык, что многие туземцы воспринимали корабли европейцев как тёмные облака.

– Вон там моё облако, которое скоро отвезёт меня домой, – сказал он и кивнул в сторону застывшего на рейде фрегата.

– Пусть ветер будет благоприятен, а запасы воды не иссякнут, – несколько рассеянно отозвалась девушка и приготовилась уйти.

– Мне понравился твой танец, – снова сказал мореплаватель и спросил: – Что он означает? Почему ты танцуешь здесь на берегу?

– Завтра вечером – Праздник невест, – сказала девушка, – Надо хорошо танцевать, чтобы получить хорошего мужа.

– Ты танцуешь очень красиво, – ответил мореплаватель, – И я уверен, что ты получишь хорошего мужа.

– Если бы это было так просто... – вздохнула девушка.

– Почему? – удивился мореплаватель, – Как тебя зовут?

Девушка недовольно поморщилась и отрицательно мотнула головой – мама назвала её Блик Луны На Волнах Отражающих Небо, однако незнакомому чужеземцу в синем камзоле и странной шляпе нельзя было доверять тайну своего имени. Мореплаватель всё понял и не стал повторять вопроса.

– Праздник невест бывает раз в году, – сказала девушка, – Но не здесь, а на другой стороне острова, там где белые скалы. В этом году будет восемь юношей и одиннадцать девушек – это плохо, потому что не всем девушкам достанутся мужья.

– И что будут делать те девушки, которым не достанется мужей? – совершенно искренне поинтересовался мореплаватель.

– Они будут ждать год до следующего праздника невест, – ответила девушка и вздохнула.

Мореплаватель сел на песок возле пальмы и жестом предложил девушке сделать то же самое. Та, поколебавшись пару секунд, присела рядом и, сдвинув ноги вместе, изящно склонила их набок.

– Расскажи мне о празднике невест, – попросил мореплаватель, – Когда я вернусь во Францию, то я буду выдавать замуж мою дочь. Поэтому мне интересно знать, как это происходит на вашем острове.

Девушка сделалась серьёзной и начала свой рассказ:

– Праздник невест бывает только раз в году. В этот день все юноши и девушки прошедшие обряд посвящения получают шанс выбрать себе жену или мужа. Праздник начинается ближе к вечеру, когда не жарко. Сначала юноши исполняют свой танец, чтобы показать девушкам, какие они хорошие воины, как они умеют управлять лодкой, ловить рыбу и работать в поле. Потом наступает черёд девушек. Каждая девушка должна исполнить танец, чтобы показать, что она красива, может родить много детей и умеет вести хозяйство...

Мореплаватель с интересом слушал. Девушка, несколько удивлённая вниманием европейца, продолжала:

– ...Потом, по специальному сигналу, девушки должны

бежать к Белым скалам, а юноши – преследовать ту девушку, которая им особенно понравилась, и которую они хотят взять в жёны... Если юноша настигнет девушку до Белых скал и сорвёт с неё венок невесты, то девушка обязана стать его женой и во всём его слушаться. Если девушка успеет добежать до Белых скал первой, то она вправе отдать венок любому юноше, который следовал за ней, и тогда юноша обязан её слушаться...

– А если юноша откажется взять венок? – спросил мореплаватель.

Девушка с недоумением посмотрела на него.

– Если юноша бежал за девушкой и не смог её догнать до Белых скал, то он должен принять венок – таковы правила...

– А если за девушкой не побежит ни один юноша? – поинтересовался мореплаватель.

– Тогда девушка будет участвовать в празднике невест в следующем году, – грустно сказала Блик Луны На Волнах Отражающих Небо.

«Ну вот, – подумал мореплаватель, – и даже здесь, практически в раю, есть свои проблемы...»

– Ты сказал, что ты будешь выдавать замуж свою дочь? – неожиданно припомнила девушка.

– Да, – кивнул мореплаватель, – Она уже большая, и многие достойные молодые люди просили её руки.

– Почему они просили её руки? – спросила девушка, – А не её тело, груди, попу?

Мореплаватель задумался.

– Это просто так говорят, – пояснил он, – Просят руку, но имеют в виду и тело, и груди, и попу...

– А, я поняла, – улыбнулась девушка, – Ваши девушки должны иметь красивые руки, чтобы получить хорошего мужа.

– Ну, это не совсем так просто... – ответил мореплаватель, – Как бы тебе получше это объяснить?..

Он на секунду задумался и вдруг вспомнил про медальон с портретом своей дочери.

Мореплаватель достал из кармана камзола маленькую

округлую металлическую коробочку на серебряной цепочке и показал её туземной девушке.

– Что это? – спросила та, с интересом разглядывая непонятный для неё предмет, однако не решаясь прикоснуться к нему.

– Когда я далеко от дома, – сказал мореплаватель старательно подбирая полинезийские слова, – То у меня всегда с собой маленькое отражение моей дочери...

Мореплаватель открыл крышку медальона и показал девушке портрет своей дочери. Та, не пытаясь скрыть своего детского восторга, принялась разглядывать изображение радостно смеясь и вскрикивая от удивления...

– Какие у неё светлые волосы! Как это возможно: такое маленькое отражение, которое можно взять с собой? Она такая белая! У неё синие глаза! А почему её тело скрыто плотным белым туманом?

– Это не туман, – улыбнулся мореплаватель, – Это такая одежда. Одежда скрывает тело.

Девушка совершенно искренне удивилась:

– А как же тогда женихи смогут увидеть, что она дочь такого важного человека, которому подчиняются тёмные облака, и которого ваш великий вождь посылает в другие страны?

– Что ты имеешь в виду? – не понял мореплаватель.

– Но здесь же совершенно не видны её татуировки, – сказала девушка, – И как ваши юноши смогут узнать, что она здорова и сможет родить много детей?

– У неё нет татуировок, – улыбнулся мореплаватель, – У нас это не принято.

– А как же тогда... – недоумённо начала девушка и, не находя слов для своего удивления, замолчала внимательно разглядывая портрет.

– У нас есть другие способы показать, кто из какой семьи, – объяснил мореплаватель.

Девушка скептически посмотрела на него. Потом она показала на свои предплечья и бёдра покрытые незамысловатым узором и негромко сказала:

– Мой отец был рыбак, он ушёл в море и не вернулся, я

– единственный ребёнок в семье. Я прошла обряд посвящения, и у меня уже есть все татуировки, чтобы выйти замуж. Все это видят и знают, кто я и откуда... Я живу с мамой, и у меня нет приданного... Но я молода и красива, и я смогу добежать до Белых скал, а значит, я всё равно хорошая невеста.

– И тебе не важно, кто за тобой побежит до белых скал? – спросил мореплаватель.

– Я знаю, кто побежит за мной, – в голосе девушки послышалась некоторая гордость.

– Значит, у тебя уже есть избранник?

– Да, но... – девушка неожиданно смутилась и отвела взгляд в сторону.

Мореплаватель вопросительно посмотрел на неё ожидая продолжения. Девушка выдержала небольшую паузу и грустно сказала:

– Только после свадьбы девушка может быть уверена... Юноши переменчивы, и их любовь, как эти морские волны – приходит и уходит... Волнам всё равно, что лежит на прибрежном песке: жемчужина или кокосовый орех...

Мореplаватель удивился словам этого ещё практически ребёнка. Неужели, и его дочь в далёкой Франции терзают подобные сомнения?

– Многие юноши меняют свой выбор на празднике невест... – задумчиво закончила девушка и вдруг спросила: – Почему ты так далеко от твоей дочери? Если бы мой отец был жив, я бы о многом хотела его расспросить...

– Мне было интересно узнать, что находится за горизонтом, – ответил мореplаватель, – И поскольку великий вождь моей страны щедро награждал меня за мои путешествия, я считал это благом и для меня, и для моей семьи, и для моей дочери.

– Чтобы у неё было богатое приданное? – спросила девушка.

– Чтобы у неё было богатое приданное, – кивнул мореplаватель.

– Но когда твоей дочери одиноко и хочется поговорить с тобой – тебя нет рядом... – грустно сказала девушка, – Твоё желание заглянуть за горизонт стоит очень дорого...

– Я знаю, – вздохнул мореplаватель, – И поэтому я воз-

вращаюсь на родину...

– Твоя дочь будет очень рада, – сказала девушка и хотела ещё что-то добавить, но произошло неожиданное...

Борт фрегата окутался белым дымом, и над морем раздался глухой раскатистый грохот пушечного выстрела. Мореплаватель понял, что это – сигнал, и ему пора возвращаться на корабль. Девушка же очень испугалась и, мгновенно вскочив на ноги, помчалась прочь от берега. Мореплаватель даже не успел попытаться успокоить её – через несколько секунд гибкое смуглое тело девушки бесследно исчезло в непроходимых тропических зарослях, словно те расступились перед ней, а потом снова плотно сомкнулись. Видимо, девушка знала, что обычно, после грома и белого дыма над тёмным облаком, ударяла сокрушительная молния, несущая смерть и разрушение; молния, которая крошила неприступные скалы и взметала в воздух тучи песка; молния, которая убивала лучших воинов и уничтожала целые поселения...

Мореплаватель тоже поспешно поднялся на ноги и беспомощно смотрел вслед исчезнувшей дикарке. Он прекрасно понимал её страх перед корабельными орудиями и очень жалел, что не успел её предупредить...

Оглянувшись пару раз на непроходимые заросли, мореплаватель направился к поджидавшей его шлюпке. Матросы, наблюдавшие издалека его беседу с туземной девушкой, не осмелились задать ни одного вопроса. Мореплаватель сел в шлюпку, и та поплыла к фрегату подгоняемая равномерными ударами вёсел...

Блик Луны На Волнах Отражающих Небо быстро успокоилась, едва плотные заросли сомкнулись за её спиной. Молния пощадила её, и девушка посчитала это хорошим предзнаменованием. Встреча с мореплавателем показалась ей подарком богов, который она пока никак не могла правильно истолковать. Ей ещё никогда не приходилось слышать, что с белыми людьми можно было вот так запросто общаться. Первой её мыслью было пойти и рассказать обо всём маме и, может быть, даже верховному жрецу – тот, возможно, смог бы ей объяснить, чего хотели боги послав простой девушке накануне Праздника невест встречу с повелителем тёмного облака. Накануне Праздника невест! Блик Луны На Волнах Отражающих Небо остановилась поражённая своей догадкой. Это был Знак! Это не могло быть простым совпадением, чтобы и повелитель тёмного облака собирался тоже выдавать свою дочь замуж! Мысли скакали в голове девушки, и та, чтобы спокойно всё обдумать, обняла ствол первой попавшейся ей пальмы и прижалась щекой к её шершавой коре... Вспомнив весь разговор с мореплавателем, Блик Лу-

ны На Волнах Отражающих Небо вдруг ясно и чётко поняла, что ей надо делать...

Праздник невест начался ещё до захода солнца, когда дневная жара уже сменилась приятным ощущением тропического вечера, но было ещё светло. Многочисленные зрители, а также родственники участников представления собрались на широком, покрытом белым коралловым песком пляже. Невдалеке возвышались Белые скалы – это были сильно обветренные и размытые дождями и морем глыбы известняка довольно причудливых очертаний. Некоторые из них напоминали округлые колонны, другие – каких-то мифических чудовищ, распластавшихся на коралловом песке и поджидающих свою добычу. Было совсем неудивительно, что местные племена почитали Белые скалы как священное место...

Праздник начался по сигналу вождя племени – десяток музыкантов ударили в барабаны, и все присутствующие затянули традиционную приветственную песню. Зрители сидели на песке или стояли широким полукругом. Перед ними на импровизированной сцене отмеченной на песке цветами и пальмовыми листьями, на фоне Белых скал, разворачивалось традиционное ежегодное представление Праздника невест.

Сначала, под непрекращающийся грохот барабанов, на сцену выбежали восемь юношей – это им предстояло сегодня выбрать себе спутниц на всю жизнь. Юноши выстроились в ровную линию лицом к публике, и наступила абсолютная тишина. Все они были смуглые, подтянутые, покрытые полагающимся им по возрасту и статусу татуировками. Из одежды на них были лишь немудрённые набедренные повязки из специально обработанной коры деревьев. Вождь племени, в роскошной накидке из разноцветных птичьих перьев и с ожерельем из ослепительно белых морских раковин, встал со своего помоста и поприветствовал юношей и всех зрителей. Потом он призвал юношей показать себя достойными лучших дочерей их племени и пожелал им удачи и счастья в будущей семейной жизни. Снова загрохотали барабаны, и юноши начали исполнять традиционный танец, состоявший из нескольких элементов – быстро бегая по кругу наклонившись вперёд и взявшись за руки они показывали сплочённость своего племени. Потом, одним прыжком разорвав круг юноши начали танцевать каждый сам по себе. Чётко и синхронно выполняя разнообразные телодвижения, они изображали сцены войны и преследования, постройку лодки и рыбную ловлю, работу в поле и сбор урожая... Барабаны звучали то как сердце воина во время битвы, то как порывы штормового ветра над бушующим океаном, то как размеренные удары дровосека... Многие зрители, заразившись энтузиазмом юношей и не в силах противостоять звукам барабанов, тоже

радостно пританцовывали и подпрыгивали – казалось, что все были равноправными участниками праздника...

Наконец, танец закончился, и с последним ударом барабанов юноши снова выстроились в шеренгу лицом к публике, одновременно упали на колени и низко пригнулись к земле выражая свою благодарность зрителям за внимание. Публика разразилась восторженными криками, а юноши сели на песок и, повернувшись в сторону Белых скал, стали ждать выступления девушек...

По традиции, каждая из невест должна была сначала исполнить свой танец, чтобы показать себя во всей красе и привлечь внимание юношей; и лишь потом девушки танцевали все вместе, чтобы каждый юноша мог сравнить свою избранницу с её подругами и, либо утвердиться в своём выборе, либо выбрать другую...

На этот раз барабаны звучали несколько помягче, и на белый песок выбежала первая из невест. Девушка была совершенно голой, однако из-за смуглой кожи и из-за множества разнообразных татуировок на теле нагота её не воспринималась как что-то исключительное и необычное – не было и следа того смущения или робости, которые испытывала бы в такой ситуации европейская девушка; полинезийская невеста воспринимала свою обнажённость как нечто естествен-

ное и обыденное...

Барабаны грохотали всё быстрее и быстрее. Девушка, единственным одеянием которой был венок невесты из нежно-розовых и белых цветов висевший на её шее, старалась, действительно, показать себя с самых наилучших сторон. Красивая и гибкая, она в совершенстве владела своим телом. Движения её попы, быстрые и ритмичные, казалось, жили собственной жизнью и лишь иногда совпадали со взмахами её ног и изгибами туловища. Наклоняясь вперёд и показывая в зажигательном ритмичном танце все свои самые сокровенные женские очертания, девушка чётко следовала древней традиции: юноши должны были увидеть, что она молода и здорова, что её попа упруга и соблазнительна, а груди красивы и привлекательны. Под грохот барабанов и одобрительные крики публики, невеста обещала своим танцем сказочное наслаждение будущему супругу на брачном ложе, много детей и вечную любовь и заботу...

Как только барабаны замолчали, девушка метнулась к краю площадки и замерла там ожидая выступления своих конкуренток. Публика поблагодарила её радостными криками, и тут же снова зазвучали барабаны возвещая о танце следующей невесты...

Другая девушка была не столь темпераментна, и танец

её отличался большей гибкостью и плавностью движений. Словно почувствовав это, барабанщики несколько изменили мелодию, дав девушке возможность показать преимущества своего танца. Однако, когда исполнялось традиционное ритмичное покачивание бёдрами, барабаны загрохотали быстрее, и молодое смуглое тело, подчиняясь барабанной дробу, задвигалось резче и ритмичнее. Изыщно прогнувшись, обнажённая девушка вскидывала голову то вправо, то влево, и её блестящие чёрные волосы качались в такт музыке и танцу... Внезапно замолчавшие барабаны означали конец выступления, и девушка тут же закончила танец упав на колени и закрыв ладонями свои груди. Потом, под радостные крики публики, она встала и поспешила к краю площадки, чтобы не мешать следующему танцу...

...Блик Луны На Волнах Отражающих Небо должна была танцевать восьмой. Она несколько опоздала к началу церемонии, так как её приготовления к выступлению заняли больше времени, чем она планировала. Присоединившись к невестам, ожидающим своей очереди, во время пятого танца, Блик Луны На Волнах Отражающих Небо вызвала немалое удивление и недоумение среди своих подруг и соплеменниц... Впрочем, девушки были заняты подготовкой к своим выступлениям и не стали пока донимать её вопросами. Однако три невесты, которые должны были танцевать после неё, сразу несколько приободрились, посчитав, что их шан-

сы заметно увеличились...

Когда подошла её очередь, Блик Луны На Волнах Отражающий Небо осторожно ступила на тёплый ещё песок и с первыми ударами барабанов начала свой танец. Появление девушки на площадке вызвало немалое недоумение зрителей – никогда ещё они не видели такого...

– Что это?

– Что это значит?

– Это что, шутка?

Все недоумённо переглядывались и перешёптывались. Всеобщее замешательство было вызвано необычным одеянием девушки. Согласно тысячелетней традиции, невеста должна была танцевать так, чтобы потенциальные женихи смогли увидеть все её достоинства и преимущества перед соперницами. Поэтому девушки всегда танцевали голыми, чтобы были видны как достоинства фигуры, так и татуировки, говорящие о её статусе и о положении её семьи в немудрённой островной социальной иерархии. Тело Блика Луны На Волнах Отражающих Небо было скрыто незамысловатым одеянием из пальмовых листьев, скреплённых лианами и шипами растений. Длинные плотные листья составля-

ли юбку девушки, а листья поменьше – покрывали плечи и скрывали груди. При танце всё это зелёное одеяние колыхалось и двигалось, скрывая, однако большую часть тела юной невесты. Девушка попыталась воссоздать из подручных материалов подобие того белого тумана, что скрывал бледное тело дочери французского мореплавателя...

– Ей никогда не выйти замуж... – шептали девушки.

– Что она о себе думает? Кто побежит за ней до Белых скал? – недоумевали юноши.

– Что это, вообще, такое? На что она рассчитывает? – гадали зрители.

Впрочем, музыканты, несколько озадаченные в начале, довольно быстро набрали нужный темп, и танец невесты начался...

Танец Блика Луны На Волнах Отражающих Небо не слишком отличался от танцев предыдущих невест, однако его исполнение, когда тело танцовщицы было скрыто листьями, привлекло несколько больше внимания – юноши (да и многие уже женатые мужчины среди зрителей) не сидели просто так на песке, а пытались следовать за движениями девушки и ловили каждый момент, когда на секунду

раздвинувшиеся пальмовые листья открывали смуглое бедро или кусочек груди. Успевшие подсмотреть хоть какую-нибудь часть спрятанного за листьями тела радостно кричали и вдохновляли других на ещё более тщательное подглядывание. Музыканты, поняв, что задаваемый ими ритм танца может помочь им и всем остальным увидеть больше, били в барабаны изо всех сил, всё быстрее и быстрее... Девушка старалась следовать темпу грохочущих барабанов – прыгала, быстро и ритмично двигала попой, вскидывала ноги. Пальмовые листья то взвевались вверх, открывая её ноги, то падали вниз зелёной занавесью... В крутом повороте девушка нечаянно наступила на один из пальмовых листьев, составлявших её юбку – лист упал на песок, и несколько юношей, которым ещё только предстояло участвовать в Празднике невест может в следующем году, а может и ещё позже, тут же бросились его подбирать. Казалось, что этот обычный лист, ничем не отличавшийся от сотен и тысяч других таких же листьев на острове, вдруг обрёл в их глазах какую-то особую ценность. Лист оттащили в сторону и там даже началась лёгкая потасовка между мальчишками за право обладания столь ценным трофеем... А танец продолжался. Музыканты выбивали из барабанов всё, что было только можно... Даже умудрённый годами вождь племени невольно ловил сам себя на каком-то необъяснимом желании увидеть больше, чем позволяли раскачиваемые танцем пальмовые листья... Вождь первым заметил, что время, отведённое

на танец, давно уже закончилось, но самозабвенно отбивающие ритм музыканты позабыли обо всем на свете. Никаких часов, понятно, ни у кого не было, однако красный солнечный диск, который уже вот-вот должен был коснуться моря, был достаточно надёжным индикатором. А ведь оставалось ещё три невесты... Решительно вскинув руку, вождь показал музыкантам, что пора заканчивать этот танец... Однако целиком поглощённые поддерживанием невероятно высокого темпа танца, музыканты не заметили знака вождя. Захваченная необычным зрелищем публика также не увидела поднятой руки избранника богов... На лице вождя появилась растерянность, но, к счастью, один из почти обессилевших музыкантов, утирая пот со лба, заметил жест вождя и первым прервал бешенный ритм... Через пару секунд наступила тишина, и Блик Луны На Волнах Отражающих Небо обессиленно рухнула на песок. И тут же тишина взорвалась восторженными криками публики – такого долгого и быстрого танца они ещё никогда не видели. Пот заливал девушке глаза, тело не слушалось её, но она была счастлива – приподняв голову она видела ликующих зрителей и буквально ощущала страстные взгляды юношей... С трудом встав на ноги, она поспешила к краю площадки, освобождая место для следующей невесты... Танцы трёх оставшихся девушек прошли в более спокойном темпе – уставшие музыканты были уже не в состоянии удерживать столь быстрый ритм, какой достался Блику Луны На Волнах Отражающих Небо.

Потом девушки выстроились в линию и приготовились бежать к Белым скалам. Юноши встали в линию в сорока шагах позади них – такова была традиция. Вдали, у Белых скал, верховный жрец со своими помощниками приготовились контролировать, что ни один юноша не прикоснётся к девушке, которая успеет пересечь невидимую линию между скал...

Зрители замерли – наступил один из самых захватывающих моментов Праздника невест. Ни для кого не было секретом, что некоторые из юношей и девушек уже были парами со всеми вытекающими последствиями, однако выбор невесты на Празднике невест был окончательным, и налагал впоследствии большие взаимные обязательства. Чаще всего, выбор пары только подтверждался на Празднике невест, однако случалось, что юноша выбирал другую девушку, а девушка – другого юношу. Причём, у девушки было две возможности – либо первой добежать до Белых скал и выбрать кого ей хочется, либо позволить другому юноше сорвать с неё венок. Причём если венок разрывался, то и девушка, и юноша не могли заключить брак в этом году, а должны были заново участвовать в Празднике невест на следующий год – это было своего рода гарантией, что девушка не будет отдана замуж против её воли.

Вождь поднял руку, и наступила тишина. Все приготовились... Потом, по команде сорвавшись с места, девушки устремились к Белым скалам. Секундой позже за ними вслед помчались и юноши. И всё это – под оглушительные крики публики и грохот барабанов...

Одиннадцать девушек бежали по широкому пляжу в сторону Белых скал. Они не оглядывались, и все их усилия были направлены на то, чтобы бежать как можно быстрее. Однако, если бы они оглянулись, то увидели бы, что спешить большинству из них вовсе не было никакой необходимости – все восемь юношей, совершенно не сговариваясь, помчались исключительно за Бликом Луны На Волнах Отражающих Небо, чья юбка из пальмовых листьев хлопала её по бёдрам и понемногу рассыпалась на составные части. Такой поворот событий оказался неожиданным для всех – даже для самих женихов. Осознав, что все они преследуют одну и ту же девушку, после секундного замешательства, юноши сосредоточенно заработали ногами, стараясь одновременно держаться подалеже друг от друга, так как правила не запрещали попыток помешать соперникам. Пара соискателей практически сразу же выбыла из гонки – пытаясь на бегу оттолкнуть друг друга, юноши не удержали равновесия и повалились на песок...

Блик Луны На Волнах Отражающих Небо бежала вдоль кромки моря – песок там был мокрый и более плотный. Ко-

гда один из юношей уже практически догнал её и даже протянул к ней руки, девушка шарахнулась в сторону, забежав в тёплые волны вечернего моря. Поднимая облака брызг она помчалась вдоль берега специально наклонившись вперёд, чтобы не быть пойманной. Тут же двое других юношей настигли своего более удачливого конкурента, и тот, с криком досады и раскинув в падении руки, с громким всплеском скрылся под водой... Изумлённая девушка даже чуть замедлила бег, чтобы оглянуться и посмотреть, что там произошло. Это случалось не так уж часто – чтобы соперники буквально сражались друг с другом преследуя невесту. Впрочем, избавившись от конкурента, юноши не сумели воспользоваться кратковременным любопытством девушки – в следующее же мгновение они сцепились уже между собой и, не разжимая объятий, повалились в воду... Не ожидавшая такой популярности девушка продолжила свой бег в сторону Белых скал, а следом за ней, не прекращая взаимных толканий и хватаний, потянулись и юноши. Все остальные девушки в растерянности перешли на шаг и обречённо брели к Белым скалам, отказываясь верить своим глазам...

Блик Луны На Волнах Отражающих Небо первой пересекла символическую линию между Белых скал. Верховный жрец, по традиции, поднял в верх обе руки, что означало, что невеста может остановиться и выбрать себе жениха по своему усмотрению из тех юношей, кто следовал за ней. Та-

кого верховный жрец ещё никогда не видел: только одна девушка стояла перед неровной шеренгой из восьми юношей – мокрых и перепачканных песком, некоторые из них были с заметными синяками и ссадинами... Блик Луны На Волнах Отражающих Небо сняла свой венок и надела его на шею своего избранника. Выбор невесты, таким образом, состоялся. Взявшись за руки, новоиспечённая пара медленно пошла назад туда, где уже радостно грохотали барабаны и ликовала восторженная публика.

– Это неправильно, – перешёптывались остальные невесты, – Она нарушила обычай... Надо что-то делать...

– Посмотрим, что скажет вождь и верховный жрец, – говорили более рассудительные из зрителей, – Ведь это их обязанность следить за исполнением традиций...

Все с нетерпением стали ждать решения вождя – тот должен был призвать верховного жреца испросить у богов благословения для новобрачных. Вождь же подождал, пока верховный жрец со своими помощниками вернётся от Белых скал, и они недолго о чём-то говорили. Наконец, вождь обратился к собравшимся – да, в этот год получилась всего одна пара, но та захватывающая борьба, свидетелями которой были все присутствующие, гарантировала, что достойный получил достойную, так что все правила и традиции бы-

ли соблюдены. Так пусть же верховный жрец попросит у богов счастья и удачи для новобрачных... Переглянувшись с вождём, верховный жрец начал свою часть церемонии...

А потом начался всеобщий праздник. Взметнулись в ночное небо огни нескольких огромных костров. Бодро загрохотали барабаны, где-то стихийно начались танцы, у одного из косторов пели женщины... Племя веселилось – и юноши и девушки, словно тут же позабыв о недавнем состязании, танцевали и радовались как дети. Верховный жрец и вождь пили из половинок кокосовых орехов что-то перебродившее и добродушно переговаривались. По жестам группы девушек неподалёку они догадывались, что те обсуждали необычное одеяние Блика Луны На Волнах Отражающих Небо.

– Мне кажется, – сказал вождю верховный жрец, – Что Праздник невест уже никогда не будет таким, каким он был последние сотни лет...

– Я тоже так думаю, – улыбнулся старый вождь.

Закон сохранения времени

Сообщение было коротким, и появилось оно на моём экране на фоне забавного удивлённого кота, с любопытством выглядывающего из-за большой кружки пива. Текст был соответствующим: « Как дела? Давай встретимся? Выбирай время.»

Сергей жил в Нью-Йорке, и мы не виделись уже довольно давно. Встретиться со старым другом всегда приятно, и поэтому уже где-то через минуту от меня к нему ушло сообщение следующего содержания: «Как тебе 16 апреля 1992 года?» Ответ высветился на экране практически мгновенно: «Отлично! У меня там есть полчаса! В 15:30 – в чебуречной!» Я улыбнулся – эту чебуречную мы знали ещё со студенческих времён и нередко там обедали...

Ровно в 15:30 я был на месте. Однако то, что я увидел, меня несколько озадачило. Я ещё раз взглянул на часы, чтобы убедиться, что я не ошибся со временем, а потом огляделся по сторонам. По широкому проспекту шумным потоком неслись машины. Завывая от усердия мимо проехал переполненный троллейбус. В воздухе витали запахи и звуки московской весны – в этом я не мог ошибиться. Небо было голубым и безоблачным... Однако на том месте, где должна бы-

ла быть наша чебуречная, возвышалось совершенно незнакомое мне здание с огромными окнами из тёмного стекла и высокими автоматическими дверями, которые тут же услужливо разъехались, как только я к ним приблизился. Всё ещё переваривая необъяснимое исчезновение чебуречной, я вошёл в здание и оказался в просторном холле с мраморным полом, пальмами и охранником в униформе, который, впрочем, никакого внимания на меня не обратил. Я приблизился к высокой белой стойке, за которой сидела чрезвычайно ухоженная девушка с зачёсанными назад и вверх волосами и с совершенно непробиваемым выражением лица. Думаю, даже Цербер, охраняющий вход в царство мёртвых, рядом с ней выглядел бы добродушной и приветливой псиной... Девушка взглянула на меня без особого интереса и только коротко спросила:

– Вам?..

– Здесь где-то была чебуречная... – неуверенно сказал я.

– Никакой чебуречной здесь нет, – ровно и чётко ответила девушка.

– Как же так ? – удивился я, – Ведь в девяносто втором году...

– Сейчас две тысячи седьмой год, – строго сказала девушка, – Если ваша чебуречная была тут в девяносто втором году – в девяносто втором и приходите...

Я вздохнул и вышел на улицу. Там я сразу же попал в поздний зимний вечер: проспект был залит жёлтыми огнями, с чёрного неба большими хлопьями медленно падал снег – была зима какого-то года – года, затерявшегося где-то между две тысячи седьмым и девяносто вторым. Под ногами было подмёрзшее серо-коричневое месиво из снега, песка и грязи. Я даже успел почувствовать, что было довольно холодно... Обернувшись, я увидел, что здание с окнами из тёмного стекла, автоматическими дверями и строгой девушкой уже исчезло. Страхивая мокрый снег с головы, я поспешил в чебуречную. Она стояла на своём привычном месте и поприветствовала меня знакомой раздолбанной дверью со скрипучей пружиной, которая захлопнулась за мной, как обычно, несколько раньше, чем я этого ожидал... Сергей был уже там.

– Слушай, – сказал он, – Я совсем забыл, что в девяносто втором у нас другие деньги были... У тебя их, случайно, не сохранилось?

– Нет, – ответил я, – Я и не думал об этом...

– Жаль, что поесть не получится, – вздохнул Сергей.

– Ничего страшного, – сказал я, – Давай просто прогуляемся – всё-таки весна...

– А почему ты такой мокрый? – спросил Сергей, – Вроде погода была хорошая...

– Да я где-то по пути в зиму попал, – и я рассказал про странное здание на месте чебуречной и про неприветливую девушку за белой стойкой. Как оказалось, эти перемещения во времени не всегда происходят мгновенно...

– ... Снесут, значит, чебуречную нашу, – вздохнул Сергей, – А девушку ту понять можно – видать не мы одни в эту чебуречную навещаемся, вот её и достали...

Выйдя из чебуречной мы сразу попали в ослепительный весенний день. Болтая о том, о сём, мы не спеша направились вдоль проспекта. Забавно, наверное, это выглядело со стороны – два солидных взрослых дяди вновь почувствовавшие себя детьми... Всё вокруг дышало весной – даже переполненные троллейбусы, обгоняя нас, казалось, радостно фыркали и напевали что-то весеннее.

– Интересно, – спросил Сергей, – а что было бы, если бы

мы сейчас повстречали сами себя?

– Ты же знаешь, что это невозможно, – сказал я, – Закон сохранения времени.

– Знаю-знаю, – махнул рукой Сергей, – Течение времени определяется количеством событий: там колебаний маятника, пульсаций разных и всё такое прочее... То есть если ничего не происходит, то время не движется. Странно... Даже если допустить, что я тупо жду троллейбуса на остановке, всё равно что-то происходит – пусть не со мной, но в мире, в космосе, на соседней улице...

– Время индивидуально для каждого, – напомнил я, – Там в этом законе было что-то про течение времени в разных системах...

– Это да... Это хорошо... – задумчиво сказал Сергей, – Хорошо, что есть закон сохранения времени, и время, потраченное на всякие тупые и бесполезные ожидания, можно заполнить событиями позднее, когда захочется, ну или если возникнет необходимость... Я вот раньше никогда не задумывался, что среди всех этих прохожих, наверное, полно таких же как мы пришельцев из другого времени...

Я с интересом огляделся по сторонам. Может и правда,

вся эта пёстрая публика сбежалась сюда из самых разных времён, чтобы заполнить событиями свои попусту потраченные минуты или часы, ну или просто поностальгировать...

Так, рассуждая о всякой всячине, мы дошли до станции метро.

– ... Чёрт! Кажется, моё время заканчивается, – вдруг спохватился Сергей, – Я думал, у меня здесь целых полчаса было, а оказалось всего двадцать минут...

– Да ладно, – сказал я, – не расстаивайся, в другом времени встретимся, или я просто к тебе в Нью-Йорк наведаюсь... В настоящем времени... То есть в будущем.

– Да, правда, давай приезжай! – успел сказать Сергей, и в следующее мгновение он бесследно исчез, словно растворившись в воздухе...

Я посмотрел на часы – в этом времени у меня оставалось ещё четыре минуты. Конечно, это было не так уж много, но и не так уж мало – вполне достаточно для того, что я задумал...

На этот раз всё произошло мгновенно: шумный московский проспект исчез, воздух стал заметно чище, запахло мо-

рем и хвоей... Я неспеша шёл по неширокой асфальтированной дорожке вдоль аккуратно подстриженных кустов, на которых уже начинали разворачиваться первые нежно-зелёные листочки. Чуть впереди дорожка сворачивала к школе – невысокому зданию, состоящему из нескольких корпусов-щупалец с большими квадратными окнами. Уроки, видимо, только что закончились, и школьники, кто группами, кто парами, а кто и по-одиночке, шли мне навстречу. Они что-то обсуждали, над чем-то смеялись, куда-то спешили или, наоборот, никуда не торопились – в любом случае, на меня, взрослого дядю, они не обращали ни малейшего внимания. Они даже ни о чём и не догадывались – ведь закон сохранения времени тогда ещё не был открыт... Я взглянул на часы – оставалось всего две минуты... Где же она? Хотя почему я был уверен, что встречу её именно здесь и именно сегодня? Это была ведь просто попытка – эксперимент, который кажется не удался. Значит, и в этот раз не получилось... Одна минута... И вот, когда я уже подумал, что ничего не произойдёт – я увидел её. Две длинные худосочные школьницы вышли из-за кустов и, свернув на дорожку, направились в мою сторону. Я даже узнал её подругу – они до сих пор дружат; правда, подруга за все эти годы несколько округлилась... Мы медленно сближались, и я не отрываясь смотрел на длинноногую девушку в джинсах и яркой водолазке с широкими чёрными и белыми поперечными полосками. Она, видимо, почувствовала мой взгляд и тоже нача-

ла внимательно на меня смотреть. Расстояние между нами сокращалось, и я видел, как её лицо постепенно преобразилось... Сначала внимательный взгляд незнакомого взрослого мужчины, наверное, ей польстил, и она смотрела даже с интересом. Однако с каждой секундой этот интерес понемногу сменялся на раздражение и даже гнев по поводу столь бесцеремонного и наглого разглядывания. Губы её плотно сжались, лицо сделалось непроницаемым, а взгляд стал вызывающе-презрительным. Когда же между нами оставалась всего лишь какая-нибудь пара шагов, что-то произошло... Каким-то неведомым образом она почувствовала, что глядя на неё, я видел не просто хрупкую длинноногую школьницу в полосатой водолазке, а женщину, с которой прожил не один год, которую видел и в гневе, и в радости, маму четырёх очаровательных детишек... Я увидел, как она в нерешительности приостановилась глядя мне прямо в глаза, как на её лице мелькнуло недоумение, быстро сменившееся каким-то напряжённым вниманием – словно она боялась упустить малейшую деталь, словно она поняла, мы с ней как-то связаны, что она соприкоснулась с чем-то за гранью этой реальности... В последнее мгновение я успел заметить, что она была глубоко потрясена – и тут же всё исчезло... Моё время закончилось... Не знаю, что она увидела – наверное, я просто прямо на её глазах растворился в воздухе...

Наша следующая встреча состоялась через пятнадцать

лет, в другом времени, в другой стране... Трудно сказать, какую роль в нашей совместной судьбе сыграло то моё короткое путешествие в 1992 год – может быть, и совсем никакую, так как она никогда не упоминала, что видела меня где-то раньше... А может, она просто хитрит – ведь женщины, они такие... Здесь даже открытие закона сохранения времени мало чего способно изменить...

Наши двойники или как не скучать на собраниях

Где-то я прочитал, что у человека европейской наружности существует всего чуть больше восьмидесяти разных фенотипов, т.е. типов внешности. Самый простой вывод из этого – хотя нас и много, но внешне мы повторяемся, как в пространстве, так и во времени. И значит, похожие на меня субъекты бродят сейчас где-нибудь по улицам Гамбурга, Нью-Йорка, может и в Южную Африку какого-нибудь бедолагу занесло. Что касается исторического плана, то я не сомневаюсь, что мои двойники успели и в убийстве Цезаря участвовать, и у костра Жанны д'Арк порадоваться, и в Берлин на танке съездить (возможно там они были с обеих сторон – вот удивились-то когда встретились...).

Вооружённый такими познаниями, я придумал очень занимательный способ коротать время на всевозможных собраниях и заседаниях, особенно когда сказать или слушать нечего... Расскажу, как это происходит на примере собрания, которое было в прошлую пятницу. Компания у нас совместная, русско-иностранная, поэтому коллектив получился смешанный: русско-немецко-голландский. Вот все мы так и расселись за большим круглым столом: я, мои колле-

ги: Александр, Лена, Маргарита (все мы естественно русские-аборигены), ну и потом – наши варяги: Хольгер (немец) и Петер (голландец). Вот сидим, проблемы наши по работе обсуждаем. Через пару минут, когда уже понятно, кто и что будет говорить, я расслабляюсь и намечаю себе дату. Скажем, год 1340-й, самое Средневековье. Все присутствующие мысленно заменяются на их двойников из того времени (возможно, на их прямых предков), и теперь самое интересное – представить, какие именно мысли этих средневековых двойников могли бы вызывать точно такие же выражения лица, жесты и позы, которые я наблюдаю сейчас, во время собрания? Прежде всего, я отмечаю, что вместо моих коллег за столом собралась довольно пёстрая компания, прямо-таки выхваченная из суровой средневековой действительности:

– Смущённый широкоплечий парень из отдалённой деревни, судя по всему впервые попавший в боярские хоромы, и поэтому украдкой разглядывающий всё вокруг.

– Несколько настороженная крестьянская девушка, которая пытается выглядеть уверенной, но в глазах беспокойство – наверное лакомилась украдкой хозяйской малиной в саду или ещё чего похуже.

– Молодая боярыня утомлённая своим социальным статусом и сидением в тереме, но удачно прячущая всё это за

надменной улыбкой и насмешливым взглядом.

– Пожилой усталый рыцарь-крестоносец с узким черепом и лысиной опалённой жарким солнцем Палестины.

– Опрятный голландский крестьянин, с умиротворённым выражением лица – видимо только что отслушал воскресную мессу в сельской церкви.

Наблюдая за выражениями лиц во время собрания, я начинаю реконструировать средневековые мысли присутствующих. Итак, начало собрания...

Александр: « Ишь-ты, чистота-то тут какая... И на пол поди не плюют... И зимой тепло наверное...»

Лена: « ...А чего? Я думаю обойдётся, никто и не знает ничего... Чего мне бояться?»

Марго: «...Я думаю, что рыцарь меня заметил... Не век же мне в батюшкином тереме париться? Тут кроме меня и посмотреть-то не на кого... не на неё же – от нее коровой пахнет...»

Хольгер: « Дааа.. Много сарацин в той крепости, и луки у них бьют далеко... Надо неспеша всё продумать...»

Петер: «...Это хорошо, что я на мельницу так рано приехал. Вон какая очередь за мной выстроилась...»

Собрание продолжается...

Александр: « ...А чёрт её знает, куда моя шапка делась... Вроде везде искал... Не иначе как кто-то из мухинских холопов её прихватил после драки... Ух, сволочи... хуже татар!»

Лена: «...Так я эту проклятую корову везде искала! И даже в лес заходила – Лешего не побоялась! Может её Водяной взял?..»

Марго: «... Да пороть эту девку на конюшне надо! Видела я, как она с парнями... А я как дура – сиди в тереме... Ну получит она у меня...»

Хольгер: « ...Странно, что в этой стране даже ведьм выслушивают перед сожжением... Пусть говорит, не долго ей осталось ... Велика милость Господа нашего... Да когда же они её жечь начнут?»

Петер: « ...А мельник-то никак муки недодал... Ну да! Почти полмешка не хватает! Что же делать?»

Саркофаг

Восемнадцатого августа 1991 года Ивану Семёновичу Тёмину как раз исполнилось шестьдесят восемь лет. Дом его стоял на самой окраине посёлка, и за огородом сразу начинался лес. В тот летний день Иван Семёнович решил, наконец, заняться погребом для картошки. Дело в том, что ещё весной Степаныч, бывший коллега из карьероуправления, где Иван Семёнович до самой пенсии служил завхозом, привёз ему два больших финских металлических ящика то ли для транспортировки собак в самолёте, то ли из-под какого-то оборудования. Ящики прекрасно подходили для хранения картошки – и мыши не прогрызут, и габариты подходящие, и даже дырочки для вентиляции были. Хотя с размером как раз небольшая промашка вышла – погреб, вырытый Иваном Семёновичем ещё в славные семидесятые годы, когда и жена жива была, и Леонид Ильич царствовал, оказался узковат – не помещались ящики. И главное, всего каких-то тридцати сантиметров в ширину не хватало. Как истинно советский человек, Иван Семёнович едва заметив проблему, тут же нашёл простое решение – надо было всего лишь расширить погреб на те самые тридцать сантиметров. И вот, приготовив необходимые инструменты – топор, лопату из нержавеющей стали и оцинкованное ведро, стыренные ещё в завхозовские времена из карьероуправления, Иван Семёнович спустился

в погреб. Разломав топором старые, уже изрядно подгнившие, доски сусеков, он вынес все обломки наружу, а потом начал методично вгрызаться лопатой в коричневую глинистую земляную стену погреба, отвоёвывая дополнительное пространство для установки ящиков. Наполнив землёй ведро, Иван Семёнович выносил его наверх и вываливал в дальнем углу огорода, там, где за зарослями полудикой малины уже начинался лес. Несколько новых досок лежали наготове, чтобы закрепить земляной потолок нового, расширенного погреба...

Уже ближе к обеду, на высоте где-то полуметра от пола лопата неожиданно лязгнула обо что-то твёрдое. «Наверное, ещё один камень», – подумал Иван Семёнович, так как уже четыре довольно приличного размера камня были им вынесены наверх и уложены у ворот – вдруг пригодятся. Он начал методично обкапывать камень со всех сторон, но через несколько минут озадаченно прервал работу и задумался. То, что он вырыл не было обычным камнем, гладким и округлым. Это был угол какого-то прямоугольного параллелепипеда из светло-серого известняка, причём все углы, как и полагалось, были 90 градусов. Если бы камень торчал из земляной стены на высоте хотя бы метра, то выступающий серый угол вполне можно было оставить – финские металлические ящики свободно уместились бы под ним, но шершавая краеугольная загогулина нахально выпирала всего в

полуметре от пола. Вздохнув, Иван Семёнович начал обкапывать камень со всех сторон...

– Это ещё что такое? – недовольно пробормотал Иван Семёнович расчищая лопатой землю и обнажая довольно обширную и плоскую каменную поверхность.

В свете голой 100-ваттной лампочки под потолком погребка на сером камне явственно проступали какие-то выцарапанные значки очень похожие на китайские иероглифы.

Чисто машинально, Иван Семёнович начал напевать себе под нос продолжая соскребать лопатой глину с камня:

– Русский с китайцем братья навек.

Крепнет единство народов и рас.

Плечи расправил простой человек,

Сталин и Мао слушают нас...

Камень оказался на редкость плоским и длинным – не менее двух с половиной метров длиной. Определив, где заканчивается каменная глыба, Иван Семёнович озадаченно присел на корточки и внимательно осмотрел расчищенную от

земли и глины поверхность.

– Ёшкин кот... – изумлённо выдохнул он и от неожиданности уселся задницей на земляной пол погребца.

Сомнений не оставалось – из глинистой земли выглядывал то ли огромный каменный сундук, то ли... (Иван Семёнович сглотнул слюну) что-то вроде гроба... Или как там Сенкевич называл это дело по телевизору? Ах, да – саркофаг!

Иван Семёнович внимательно посмотрел на китайские иероглифы густо покрывавшие каменную поверхность, ничего не понял и решил выбрать землю также над крышкой этого сундука или саркофага, чтобы его можно было открыть...

Работа заняла несколько часов, но Ивану Семёновичу удалось выбрать всю землю над саркофагом до самого потолка погребца. Укрепив земляной потолок досками, чтобы тот не обвалился (если не сейчас, то весной), Иван Семёнович отложил лопату в сторону и осторожно попытался приподнять каменную крышку... Ему не удалось её сдвинуть ни на миллиметр – чёрт её знает, сколько она весила...

Порядком уставший Иван Семёнович вздохнул и, подхва-

тив по пути последнее ведро с землёй, грузно поплёлся наверх по лестнице. Захватив в сарае лом, он вернулся в погреб и попытался поддеть каменную крышку ломом. Захрустел песок под металлом, и крышка на мгновение приподнялась на миллиметр или два. Пыхтя и отдуваясь, Иван Семёнович сделал ещё несколько попыток, но лишь убедился, что крышка оказалась ему не по силам. Выбравшись на поверхность, он решил сходить в магазин за пивом. Неспешно бредя по пыльной поселковой улице, Иван Семёнович решил, что в принципе, ему совсем не обязательно открывать тот саркофаг – теперь, когда земля над ним была расчищена до самого потолка, а погреб заметно расширен, финские ящики вполне можно было поставить прямо на крышку саркофага... Однако любопытство не давало ему покоя. Да и, честно говоря, мысль, что в саркофаге, в погребке, посреди его огорода лежала какая-нибудь древняя мумия – тоже была не из самых приятных. «Хотя откуда в наших краях мумия?» – рассуждал Иван Семёнович, – «Не в Египте поди живём... И надписи, вроде как, на китайском – а уж до Китая-то отсюда... Хотя, наверное, до Египта подальше будет...»

Так, в философских размышлениях, Иван Семёнович добрался до поселкового магазина. Народу почти не было: две бабки обсуждали развесную селёдку, разложенную в застеклённой витрине, девочка в коротком голубом платье пересчитывала монетки на ладошке (хватит ли на конфеты?), да

знакомый механик из гаража в промасленной спецовке как раз покупал пару бутылок пива.

– Здорово, Семёныч! – поприветствовал его механик.

– День добрый! – кивнул Иван Семёнович, – Ты, Фёдор, чего не на работе?

– Работа не волк... – махнул рукой Фёдор и, мельком взглянув на только что полученную сдачу от продавщицы, высыпал монеты в карман.

– Михална, – сказал Иван Семёнович продавщице, – И мне пару бутылочек дай.

Грузная тётка за прилавком едва заметно кивнула, нагнулась, ловко выхватила из стоящего на полу ящика две тёмно-коричневые бутылки и подала их Фёдору. Тот засунул тут же одну из них в карман спецовки, а другую взял в руку.

– Рубль тридцать с тебя, Иван Семёныч, – сказала продавщица не разгибаясь и выставляя на прилавок ещё две бутылки.

Расплатившись, Иван Семёнович засунул бутылки в сетку-авоську, удачно оказавшуюся в кармане штанов. На вы-

ходе из магазина он снова увидел механика Фёдора, который открыв бутылку пива об перила на крыльце магазина тут же и утолял жажду.

– Степаныч тебе за такое голову не оторвёт? – поинтересовался Иван Семёнович. С начальником гаража он был лично знаком и знал, что тот не переносил запах спиртного от своих подчинённых в рабочее время.

– Не, – мотнул головой Фёдор, – Степныч в город за распредвалом для «КраЗа» поехал, часа в четыре вернётся...

– А у тебя обед что ли? – спросил Иван Семёнович.

– Типа того... – и Фёдор снова приложился к бутылке.

Фёдор был мужик крепкий. Когда-то он работал в местном карьере шофёром на «БелАЗе», но однажды по пьяни завалил самосвал в карьер – сам чудом выжил, а самосвал перевернувшись раза четыре на склоне, превратился в кучу металлолома. Фёдора из шофёров тогда сразу попёрли и перевели на работу гараж.

– Слышь, Фёдор, – сказал Иван Семёнович, – Тут такое дело...

И он рассказал, что расширяя погреб наткнулся на какой-то непонятный каменный то ли гроб, то ли ящик...

– Тяжёлая крышка? – Фёдор отхлебнул из бутылки, – А пошли, разберёмся, что ты там такое накопал.

И они вдвоём отправились к дому Ивана Семёновича. Погреб был посреди огорода – земляной холмик с низкой дверью. Спустившись вниз, Фёдор удивлённо осмотрел каменный саркофаг.

– Ни хера се... – присвистнул он, – Солидная штука...

Второго лома у Ивана Семёновича не было, поэтому решили действовать так: Фёдор ломом пытался приподнять крышку, а Иван Семёнович подсовывал в образовавшуюся щель лопату... После где-то пятнадцатиминутной возни, каменную крышку удалось подцепить, а потом, практически повиснув на ломе, Фёдор сдвинул её чуть вверх и в сторону. Подложив лом и лопату, совместными усилиями Иван Семёнович и механик потянули крышку на себя, и та, с грохотом и подняв облако белой известковой пыли, упала к их ногам, едва не придавив ноги Ивана Семёновича – тот успел отпрыгнуть в самый последний момент. В свете электрической лампочки под низким потолком погреба Ивану Семёновичу и Фёдору открылось невероятно странное зрелище:

в каменном гробу из серого известняка лежала девушка. Она была очень высокого роста – метра два, не меньше. Китайские иероглифы на саркофаге, возможно имели к ней самое прямое отношение из-за довольно китайской внешности девушки. Впрочем, глаза её были закрыты, а бледных щеках темнели нарисованные чёрной краской непонятные символы. На девушке было надето странное ожерелье – длинные широкие пластины из какого-то полупрозрачного зелёного камня закрывали её грудь. Голову девушки украшала очень красивая диадема из золота с крупными зелёными камнями – сама диадема состояла как бы из двух переплетающихся золотых змей, а сверху волосы девушки скрывала странно-го фасона чёрная остроконечная шапочка... Рук девушки не было видно – всё её тело, завернутое в тёмно-серую искрящуюся ткань, напоминало мумию. На животе девушки лежала, очевидно искусно сделанная из камня, свернувшаяся кольцом чёрная змея. Шея девушки была заключена в широкий кожаный ошейник с округлыми зелёными камнями...

– Вот это да... – пробормотал механик невольно отступая на пару шагов назад.

Несомненно, девушка была мертва, но бледная кожа на её лице совсем не производила такого древнего впечатления, как тот саркофаг, в котором она лежала. Казалось, что она умерла совсем недавно...

– Господи, что это такое? – невольно воскликнул Иван Семёнович.

Выдержав паузу, Фёдор осторожно приблизился к саркофагу и начал внимательно разглядывать девушку и её украшения...

– Знаешь, что Семёныч, – сказал он, – Штука эта, несомненно, древняя... Давай, я эту фиговину с её головы возьму, а ты никому про меня не рассказывай. Ты свои двадцать пять процентов от клада так и так получишь...

И Фёдор показал рукой на диадему. Заметив вопросительный взгляд Ивана Семёновича, он пояснил:

– Ты бы без меня крышку эту всё равно не открыл бы... Поэтому я беру мою долю, а тебе всё остальное.

– Так, может, меня за это дело и загребут? – пробормотал Иван Семёнович, – Труп-то на моём огороде найдут...

– А можешь никуда и не сообщать, – пожал плечами Фёдор, – Я-то тебя не выдам.

– Так что, она так и будет у меня в погребе?.. – спросил

Иван Семёнович, – Уж лучше я сообщу...

– Как хочешь, – ответил Фёдор, – Можно её в брезент переложить и в лесу, как стемнеет, закопать. Только бирюльки все с неё снимем сначала...

И не дожидаясь реакции Ивана Семёновича, он протянул руку и взялся за диадему. То, что произошло дальше, было похоже на страшный сон. Чёрная каменная змея лежавшая на животе девушки внезапно вздрогнула и подняла голову. Фёдор обернулся на шорох, но не успел одернуть руку. Змея с коротким шипением метнулась вперёд и быстро укусила его чуть ниже локтя... В следующее же мгновение перед изумлёнными взглядами Фёдора и Ивана Семёновича она стремительно отшатнулась назад и заняла угрожающую позу подняв свою голову где-то на полметра над саркофагом. Глаза змеи были чёрные, холодные и жестокие. В приоткрытой пасти виднелась пара острых, чуть изогнутых, зубов... Фёдор испуганно одёрнул руку, и тут змея внезапно исчезла, словно растворившись в воздухе. Иван Семёнович в ужасе попятился назад к лестнице. Фёдор тоже отшатнулся от саркофага – рукав его рубашки был в крови. Механик сначала тупо смотрел на свою руку, а потом вдруг лицо его исказила резкая гримаса боли. Глаза безумно выкатились, и он жутко захрипел задыхаясь и кашляя, из его рта появилась странная белая пена...

– Фё-фё-фё... – растерянно попытался позвать механика Иван Семёнович, но тот повалился на земляной пол погреба, пару раз неестественно дёрнулся и замер.

Пена вытекавшая из его рта окрасилась кровью.

В этот момент Иван Семёнович услышал отчётливое шуршание, словно где-то совсем рядом высыпали песок из мешка. Он в недоумении начал озираться по сторонам. Фёдор лежал прямо посреди погреба, как раз под лампочкой, свешивающейся с потолка. Иван Семёнович увидел, как из тёмных углов погреба к телу механика устремились короткие чёрные змейки. Они были совсем небольшие, сантиметров двадцать-тридцать в длину, но их было огромное множество – десятки, сотни... Змейки начали пожирать тело Фёдора. Не прошло и минуты, как тот полностью скрылся под шевелящимся чёрным покрывалом из змей... Иван Семёнович, оцепенев от ужаса, стоял у лестницы и смотрел, как змейки начали одна за другой расползаться в стороны, исчезая в темноте. На полу остался только обглоданный до костей скелет и лохмотья, оставшиеся от одежды Фёдора. Когда Иван Семёнович оторвал взгляд от останков механика, он увидел, что девушка из саркофага уже не лежит, а сидит. И не просто сидит, а смотрит прямо на него. В свете стоваттовой лампочки погреба её диадема сияла золотом и зелёными камнями

(если бы Иван Семёнович разобрался в геологии, то он бы знал, что это был нефрит). Глаза девушки были открыты – чёрные и бесконечно далёкие, как у той змеи, которая укусила Фёдора. Из переливающегося, словно обсыпанного блёстками, платья появились две бледные белые обнаженные руки девушки с несколькими браслетами на каждой. Как и при первом взгляде, девушка была похожа на китайку, но только очень высоко роста. Из под странной остроконечной шапочки выбивались чёрные волосы, заплетённые во множество косичек. Зелёные нефритовые пластины на груди, казалось, светились изнутри...

Девушка сделала властный жест рукой, приказывая оторопевшему Ивану Семёновичу приблизиться. Тот, совершенно потеряв от ужаса голову, нерешительно шагнул к саркофагу. Девушка приоткрыла рот и издала громкое шипение, которое прозвучало скорее как шипение змеи, чем человеческий голос. Она протянула вперёд руку, и Иван Семёнович невольно протянул ей руку навстречу. Прикосновение было холодным как лёд и жёстким как камень – опираясь на руку Ивана Семёновича, девушка поднялась и вышла из саркофага. Отпустив её руку Иван Семёнович испуганно попятился, но уже не к лестнице, а вглубь погребка. Девушка же величественно прошла мимо него и, не оборачиваясь, начала подниматься по лестнице из погребка. Последнее, что успел заметить парализованный от страха Иван Семёнович, был

чёрный змеиный хвост, выглядывавший сзади из под облегающего платья девушки и волочившийся по земляному полу погребца... Когда наверху открылась и тут же закрылась дверь, лампочка на потолке погребца внезапно погасла с громким хлопком. Иван Семёнович оказался в абсолютной темноте. Прошло несколько томительных минут, а потом со всех сторон из темноты донеслись тихое шуршание и шипение... Мгновенно вспомнив про чёрных змеек, Иван Семёнович похолодел от ужаса. Шипение становилось всё громче и отчётливее. Внезапно, Иван Семёнович обнаружил какой-то слабый свет. Покрутив головой во все стороны, он увидел, что саркофаг был отделан изнутри множеством плоских зелёных камней, и сейчас все эти камни светились неярким призрачным светом. Поскольку всё вокруг тонуло во мраке, и отовсюду слышалось шуршание и шипение маленьких чёрных змеек, Иван Семёнович рассудил, что в саркофаге, где по крайней мере была хоть какая-то видимость, находиться было бы безопаснее... Замирая от страха, он сделал несколько шагов и забрался в саркофаг. Теперь уже отчётливо слышалось змеиное шуршание по всему погребу, но забраться в саркофаг змеи, по-видимому, не могли или пока не хотели. Сидя в саркофаге как в ванне, Иван Семёнович вдруг ощутил необычайную ясность в голове – страх как бы немного отступил. «Только наружу...» – подумал он, – «Любой ценой вырваться наружу...» Да, возможно, он наступит на этих проклятых чёрных змей; возможно, они попытают-

ся его укусить – но это всё не важно. Главное, вырваться на свободу. Любая, даже самая безумная попытка, была бы лучшим вариантом, чем сидение в этом проклятом каменном гробу и ожидание неминуемого кошмарного конца. Он напрягся и приготовился к броску. Глаза до боли вглядывались во мрак, но абсолютно ничего не видели. Только здесь, в саркофаге, в странном свечении от зелёных камней Иван Семёнович мог что-то различать... Шорох в глубине погребка внезапно показался знакомым... Где-то с шуршанием осыпалась земля... Откуда-то издалека донёсся приглушённый удар, и снова посыпались комочки земли... Иван Семёнович снова ощутил приступ страха, но про змей он уже не думал. Годы, события, возраст словно исчезли в одно мгновение, и снова в тёмном блиндаже сидел девятнадцатилетний солдат Иван Тёмин. Это был его первый фронтовой опыт. Немцы начали артподготовку посреди ночи. Где-то там, наверху, тяжёлые снаряды разрывали в клочья лес – с треском валялись огромные деревья, подминая под себя низкорослый подлесок, иногда они просто застревали повешенными в воздухе, в немыслимых переплетениях ветвей, корней и стволов. Снаряды падали то всё ближе и ближе, то постепенно удаляясь... Перекрытие блиндажа содрогалось от разрывов, и сухая земля с характерным шуршанием сыпалась с бревенчатого потолка... Это тогда пожилой старшина сказал ему: «Ты лучше спи, хлопчик, а то коль сюда попадёт – так помрём и не заметим, а коль не попадёт – так вроде как и зря боялись...

Так шо, лучше уж не дёргаться и выспаться... Утром фрицы в атаку пойдут, надо быть как огурчик...»

Иван Семёнович, и правда, ощутил как усталось и сон навалились на него. Глухие разрывы снарядов затихая сливались в какой-то монотонный шум, иногда прерывавшийся абсолютной тишиной. Глаза слипались... Иван Семёнович и сам не заметил, как лег в саркофаге на спину и закрыл глаза. Большая чёрная змея бесшумно скользнула через каменный бортик и, свернувшись на животе Ивана Семёновича в три кольца, задумчиво положила свою голову ему на грудь, пристально глядя в стремительно бледнеющее лицо ветерана... Он уже не услышал, как тяжёлая крышка саркофага легла на своё место, и как грузно обрушился потолок погребя...

...В тот день, когда бесследно исчезли Иван Семёнович Тёмин и механик Фёдор Акатьев, несколько жителей посёлка видели очень странную девушку, которая неспешно прошла по улице в сторону известкового карьера. Станным в ней показалось многое: во-первых, она очень напоминала то ли китаянку, то ли ещё кого из юго-восточной Азии, а для посёлка уже это было в диковинку; во-вторых, она была необычно высокого роста, в красивом длинном облегающем платье и с забавной чёрной остроконечной шапочкой на голове; ну а в-третьих, она не ответила ни на одно «здрате» от встречаемых жителей посёлка, глаза её при этом были чёрны

как уголь, а взгляд – невидящий... Последним незнакомку видел водитель карьерного «БелАЗа» Козлов. По его словам, она стояла у края карьера, разверзнувшегося у её ног почти на сотню метров вниз, и медленно разводила руки в стороны, поднимая их потом вверх над головой. Козлов успел только моргнуть, и в следующее же мгновение девушка бесследно исчезла. Причём, «бесследно» означает, что её тела не оказалось и на дне карьера – в посёлке все ещё помнили случай с дочкой агронома перед Олимпиадой, которая прыгнула в карьер из-за какой-то там любовной заморочки... Поэтому-то Козлов первым же делом и помчался на своём «БелАЗе» вниз, но, как уже было сказано, ничего там не обнаружил.

Исчезновение двух жителей и появление странной китаянки активно обсуждалось в посёлке целый вечер. Но на следующий день наступило 19 августа 1991 года, и у жителей как посёлка, так и всей необъятной советской страны появились совсем другие проблемы...

Пересечение миров

ПРОЛОГ

Эта история приключилась довольно давно. Я тогда записал её, как говорится, по горячим следам и думал потом вставить как эпизод в какой-нибудь роман или повесть, если вдруг что-нибудь такое я когда-нибудь напишу. Но вот прошло уже более пятнадцати лет, и ничего такого подходящего так и не написалось. Поэтому я решил опубликовать эту историю как она есть, без всяких дополнительных сюжетных линий и персонажей. Никаких имён я не упоминаю; участники событий, думаю, вспоминают этот эпизод в основном как лёгкое алкогольное недоразумение и на меня не обидятся. Так что добавив лишь небольшой пролог с эпилогом, я представляю вашему вниманию это короткое, но довольно странное приключение...

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ МИРОВ

С балкона открывался прекрасный вид на вечернюю Москву. Далеко внизу широким потоком шли машины. Нескончаемая лента жёлтых огней текла в одну сторону,

красных – в другую. Шум движения сливался в монотонную обволакивающую мелодию, напоминавшую морской прибой или водопад. Мы сидели небольшой уютной компанией в квартире одного из моих бывших одноклассников. Остатки нашего импровизированного ужина всё ещё виднелись маленькими островками на столе, но там уже появились чайные чашки и блюдечки с кусочками торта. Разнообразные бутылки, как разноцветные айсберги, размеренно проплывали вдоль стола, чтобы, наполнив рюмки и фужеры, незаметно очутиться на полу в компании своих опустошённых подружек... Некоторые из нас были знакомы ещё со школы, некоторые – с института, но теперь мы сидели в несколько расширенном составе, так как к нам добавились ещё две жены и один муж... Атмосфера была очень расслабленная и непринуждённая – все прекрасно знали друг друга. Мы даже не заметили, как тёплый сентябрьский вечер незаметно превратился в ночь. Однако поток машин внизу несколько не уменьшился, и даже стал намного живописнее на фоне чёрного ночного неба... Я старался пить в основном только шампанское, и я уже весьма в этом приуспел, когда наши курильщики в очередной раз отправились на балкон покурить. В принципе, я не курю, но обычно я тоже выходил с ними на балкон, так сказать, для продолжения разговора. В этот раз я решил посетить сначала туалет – есть у шампанского такой побочный эффект...

... Когда я вернулся в комнату, где все наши три дамы увлечённо обсуждали что-то своё женское, я не задерживаясь подхватил мой очередной фужер с шампанским и вышел на балкон к мужской половине нашей компании... Однако на балконе никого не было. Да и сам балкон выглядел очень странно. Я в растерянности огляделся... Вокруг была темнота. В этой темноте шумели листвой какие-то невидимые деревья. Воздух был влажным и прохладным. Всё казалось очень неудобным и даже враждебным. Балкон вдруг оказался довольно просторной террасой, примыкающей к серой шершавой стене из ровно отёсанных каменных блоков. Слева и справа террасу закрывали деревянные решётки увитые виноградом, а от шумящих в ночи деревьев она была отделёна невысокой баллюстрадой, протянувшейся между двумя тонкими деревянными колоннами. Эти потемневшие от времени и непогоды колонны поддерживали над террасой покатую дощатую крышу. Пол был выложен прямоугольными, но разного размера, мраморными плитами. В серой каменной стене виднелся узкий тёмный проход со сводчатым потолком, возле которого стоял необычной формы пузатый глиняный сосуд. Из этого сосуда торчало что-то вроде небольшого факела или толстого фитиля. Пыхавшее над сосудом неестественно красное пламя при порывах ветра отклонялось в сторону, оставляя на серой стене закопчённый след. Из-за мерцания пламени, терраса то ярко освещалась призрачным красноватым светом, то погружалась в темноту. Я был

очень удивлён и не понимал, где я нахожусь, и как я сюда попал. Мне показалось, что я успел сделать лишь один шаг от балконной двери, однако теперь до прохода в стене было как минимум четыре-пять шагов... Неожиданно вспыхнул ослепительный белый свет, и чёрное небо разорвалось огромным зигзагом молнии. Я успел разглядеть раскачивающиеся на ветру высокие деревья и тёмный силуэт горной гряды чуть в отдалении справа. Секунду спустя раздался оглушительный грохот. Пламя факела метнулось по стене и затрепетало едва не погаснув... Послышался нарастающий шум, словно где-то прямо над моей головой рассыпали крупный гравий, и тут же по дощатой крыше террасы и по листьям невидимых в темноте деревьев ударили холодные струи дождя. Начался невероятный ливень – с небес низвергались настоящие водопады. Воздух моментально наполнился водяной пылью и брызгами, и я поспешно отошёл подальше от балюстрады чтобы окончательно не промокнуть. Мой взгляд скользнул по проходу в стене, и вдруг мне показалось, что там, в глубине тёмной арки, мелькнуло что-то белое... Я замер, и по моей спине пробежал холодок... В следующее мгновение из арки на террасу вышла невысокая девушка в белом платье. Она остановилась возле факела и внимательно посмотрела на меня. Качнувшееся пламя осветило её жутковатым нереальным светом, и в глазах девушки вспыхнули дьявольские красные огоньки... Я стоял в нескольких шагах и мог хорошенько её рассмотреть. Это было совсем юное

создание с приятными чертами лица, с тёмно-карими (когда меркли красные огоньки) глазами и ровным красивым носом. Несколько взлохмаченные чёрные волосы закрывали уши и плавно спадали сзади на шею. Глядя на меня и как бы одновременно сквозь меня, девушка медленно пошла вперёд. На ней было длинное белое платье без рукавов стянутое на талии несколько грубоватым кожаным ремешком. Никакой пряжки на ремешке не было, он был просто завязан спереди узлом с торчащими в стороны кончиками. Ткань платья была очень тонкая, и под ней без труда угадывались очертания хрупкого тела, которое, казалось, излучало какой-то свет... Девушка подошла ко мне очень близко, почти вплотную, и мне невольно пришлось отступить в сторону в самый последний момент, чтобы с ней не столкнуться – по какой-то причине она меня, кажется, совсем не видела. Это было очень странно, так как сначала, я был уверен, она меня заметила, и на её лице мелькнуло выражение лёгкого испуга быстро сменившееся какой-то настороженностью... Остановившись у баллюстрады, девушка посмотрела немного на низвергающиеся сверху потоки воды, а потом, поёжившись, обхватила себя за плечи руками, повернулась и быстро пошла обратно. Через мгновение она уже растворилась в темноте арки...

Я машинально сделал несколько шагов вслед за девушкой и остановился перед аркой. В мерцающем свете факела я

увидел узкий коридор, исчезающий во мраке в какой-то паре метров от меня. Мне даже показалось, что я различаю стену в конце коридора и две другие арки – направо и налево... Я нерешительно шагнул в этот коридор, но после первого же шага мне стало сразу как-то не по себе... Уже потом, гораздо позднее, я понял, что меня тогда напугало: наступила абсолютная тишина, словно кто-то моментально выключил звук. Такое со мной бывает иногда в самолёте, перед посадкой, но никакой боли в ушах в тот раз я не почувствовал – просто шум дождя и вообще все звуки как-то сразу исчезли, и всё происходящее вдруг показалось мне нереальным и пугающим. Я торопливо попятился назад на террасу и быстро обернулся, так как шум дождя вновь ворвался в мои уши... Однако это был уже не дождь, это была ночная Москва – я вновь увидел чёрное ночное небо, огни в бесчисленных окнах и бесконечный поток машин внизу – две широкие реки наполненные жёлтыми и красными огнями текущие навстречу друг другу... Я повернулся в сторону двери и увидел комнату и моих друзей, которые что-то оживлённо обсуждали. Меня они заметили только, когда я шагнул через порог...

– Ты где был ?!

– Ничего себе шуточки у тебя!

– Мы тебя обыскались! Думали уже внизу идти смотреть

– вдруг ты по пьяни с балкона навернулся...

– А почему у тебя рубашка мокрая?..

Оказалось, что произошло следующее. Наши девушки видели как я, захватив фужер шампанского, вышел на балкон. Поэтому они немало удивились, когда через пару минут мой бывший одноклассник, кутивший на балконе, заглянул в комнату и попросил их направить меня на балкон как только я появлюсь из туалета, они что-то там хотели у меня спросить...

– Так он же там у вас, на балконе!

Начались поиски... Минут через пять, когда все уже успели поочередно побывать на балконе и осмотреть всю квартиру (кто-то даже выглядывал на лестничную клетку), мои друзья собрались в комнате чтобы решить, что делать дальше – тут-то я и появился к всеобщей радости и облегчению...

Но не всё оказалось так просто. Моя рубашка и вправду была мокрая, а моё объяснение про дождь на странной террасе вызвало только недоумение – ведь все прекрасно видели, что никакого дождя не было... Более логичным показалось, что это я просто как-то умудрился облиться своим шампанским... Кстати, почти полный фужер шампанского, с которым я вышел на балкон, бесследно исчез, и я никак не мог

вспомнить, что же с ним случилось... Никаких осколков фужера мы нигде не нашли: ни на балконе, ни внизу на тротуаре, где мы потом специально смотрели. Ещё одна странность обнаружилась, когда мы начали расходиться по домам – оказалось, что мои наручные часы по какой-то причине убежали вперёд на 22 минуты. По словам моих друзей, я отсутствовал (или где-то ловко прятался) около пяти минут, мне же показалось, что происшествие на террасе заняло не более одной-двух минут. Так что откуда взялись эти 22 минуты было действительно необъяснимо. Впрочем, часы у меня старые, механические, и у них могут быть свои причуды...

ЭПИЛОГ

Примерно через восемь лет после этого странного происшествия я был в Риме. Так случилось, что мой первый день совпал с днём города, есть у них такой в апреле, и в этот день вход во все городские музеи – бесплатный. Поэтому я, отложив прогулку по Вечному городу на последующие дни, ринулся по музеям... Римский скульптурный портрет – это отдельная страница в истории искусства. Их много, и разглядывать эти портреты – всё равно, что листать античный фотоальбом... В одном из залов я остановился. «Голова римлянки», вот так – ни имени, ни кто она... Я словно вновь оказался на той террасе – передо мной была моя странная

незнакомка... Только причёска была совсем другая, и выражение лица было спокойно-сосредоточенное, а не настороженно-испуганное, как тогда на террасе... А может, это была вовсе не она, а кто-то очень на неё похожий – может, её прабабушка или правнучка? Или может, это была всего лишь игра моего воображения...